

A romantic illustration of a man and a woman in a mountain landscape. The man, with long, wavy brown hair and a beard, is wearing a light blue t-shirt and has his eyes closed. The woman, with long, wavy red hair, is also wearing a light blue t-shirt and has her eyes closed. They are lying in a grassy field with white flowers, with mountains in the background. The scene is bathed in warm, golden light.

РЕГИНА ГРЁЗ

Невеста
КРЫЛАТОГО ЗМЕЯ

Регина Грѐз

Невеста Крылатого Змея

«Автор»

2026

Грѐз Р.

Невеста Крылатого Змея / Р. Грѐз — «Автор», 2026

По заданию турфирмы Леда приезжает описать санаторий близ долины с археологическими раскопками. Но древний курган оказался вратами в Другой мир, где оживают самые загадочные и жуткие русские легенды. Чтобы попасть назад в свое время героиня должна добраться до заповедных истоков Роси, а потому Леда становится невестой человека, способного обращаться в Крылатого Змея. Он последний из рода Гнездовья и считает ""ладушку"" своей суженой. Вот только не торопится в жены брать, страшит давнее заклятье. Красивая, романтическая история, навеянная песнями Хелависы (гр. «Мельница»)

© Грѐз Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Рожденная в день Луны	7
Глава 2. Ингальская долина	10
Глава 3. Лето в «книжном» и новые драконы	17
Глава 4. Долгая дорога в сказку	24
Глава 5. «Ключ, замок, язык...»	30
Глава 6. Сват Наум	38
Глава 7. Болотная бабка и ее приемьш	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Регина Грѣз

Невеста Крылатого Змея

Посвящаю Наталье О'Шей (Хелависе)

Сказка – это сухая кожа, сброшенная с чешуйчатых колец мифа.
Е. Парнов

Вступление

Дорогие читатели!

«Сказка ложь, да в ней намек...» А точнее, не все в этой истории есть авторская фантазия, потому как Ингальская долина недалеко от города Тюмени существует на самом деле, и там, действительно, ведутся интересные археологические исследования.

Большинство имен книги выдуманы, сходство персонажей с реальными людьми случайность, за которую автор ответственности не несет. В книге использованы цитаты из стихотворений Натальи О, Шей, Николая Гумилева, Анны Ахматовой, Елены Благиной, авторские стихи, старинные заговоры и причеты.

Как говорили древние – «ab ovo» – начинаем сказание наше «с яйца», то бишь с самого начала.

Глава 1. Рожденная в день Луны

Отец сам выбирал для нее имя, желая, чтобы оно было единственным и неповторимым. Однако и выдумывать не хотелось.

Когда у Александра Михайлова родилась дочь, он как раз успешно защитил кандидатскую по Древнегреческой мифологии. Особенному разбору и анализу подлежала легенда о том, как Зевс в виде лебедя совратил жену спартанского царя – Леду.

Дочка Михайлова появилась на свет в понедельник, а этим днем, по мнению древнегреческих философов, управляла Луна. Поэтому выбор был прост, назвать малышку Селеной, в честь богини Луны, или же Ледой, в честь красавицы, которой соблазнился сам Громовержец.

Жена Михайлова остановилась на Леде, это имя показалось короче и понятней. Правда, самой Ольге хотелось бы назвать дочурку попроще, например Лизонькой или Аней, но как спорить с высокоученым мужем простой парикмахерше с девятью классами образования. Да никак.

Их брак с самого начала считался мезальянсом, но Михайлов был влюблен в стройную шатенку, у которой частенько подстригал непокорные кудри. Родители его всерьез утверждали, что «девушка из деревни» на остатки волос сделала приворот и захомотала обеспеченного городского парня из солидной семьи.

Однако порицать единственного сына интеллигентные родители не стали, всеми правдами-неправдами вымудрили молодоженам однокомнатную квартиру и даже всерьез расстроились, когда после пяти лет жизни с Ольгой, ставшей к тому времени мастером-универсалом, Михайлов подал на развод.

Возможно, главной причиной такого решения стала молоденькая, но подающая большие надежды аспирантка. Звали ее Таисья, у нее были серые глаза, стройная фигура и гладкие смуглые плечи.

– Таис Афинская, – взволнованно шептал Михайлов, снимая запотевшие очки.

– Мой Александр Великий! – томно отвечала ему красавица, соблазнительно поводя крутыми бедрами.

Участь доцента была решена. Правда, бывшей жене и маленькой дочери Михайлов всегда старался помогать, а когда пришло время определяться с выбором учебного заведения после школы, подключил связи, и Леду приняли на бюджетное место Исторического факультета.

Леда любила и уважала отца, хотя видела редко. Он появлялся неожиданно, порой встречал возле школы, дарил прекрасно иллюстрированные книги о Древней Греции, энциклопедии легенд и преданий народов мира, роскошные томики русских народных сказок.

Леда рано научилась читать и к десяти годам назубок знала всех богов и героев Эллады, их многочисленные подвиги и приключения, обожала русский фольклор.

Сам того не подозревая, Михайлов казался ей сказочным существом, наделенным могуществом и силой исполнять любое желание. Все божества обычно далеки от мелких нужд простых смертных, а потому, имея дома уникальную коллекцию исторических книг, Леда ходила в потрепанных кофточках и старых сапожках, над которыми подшучивали одноклассницы.

– На какие деньги ей одеться, у нее мама одна, еще и парикмахер, что она там получает! Ха.

Маму Леда безмерно любила, хотя общались они мало. Ольга бралась за любую работу, чтобы обеспечить дочке достойную жизнь да и себя не забыть. Поклонников было немало, но все не серьезно и достатка в дом не приносило.

Почему-то ухажеры сами норовили на шею сесть и не думали поддержать финансово одинокую маму с подрастающей дочуркой.

Леда росла девочкой разумной и все понимала, на жизнь смотрела серьезно, была не по годам взрослой. Маму жалела, никогда не теребила высокими запросами, обходилась тем, что доступно. Модным нарядам и дорогим гаджетам одноклассниц не завидовала, поскольку сама больше жила в придуманном мире фантастических историй, мифов и былин.

Книги заменяли ей живое общение, подруг в реальном мире было немного. Слишком разнились интересы. Леда любила историю, увлекалась краеведением. В то время как ровесницы ходили на танцевальные занятия и аэробику, она охотно посещала туристический кружок и общалась с поисковиками из местной организации «Эхо памяти».

Ребята там подобрались хорошие, занимались важным делом – искали останки солдат, погибших на полях сражений Второй мировой, составляли списки имен красноармейцев по обнаруженным смертным медальонам, отправляли информацию родственникам.

Леда сразу прижилась в дружном коллективе, с трепетом разглядывала в маленьком музее жутковатые находки с той страшной войны: автоматные гильзы, пробитые каски, погнутые ложки, найденный в болоте под Ржевом пулемет.

Перед выпускным классом, на летние каникулы даже хотела поехать вместе с поисковой экспедицией в Кировский район Ленинградской области, но мама непустила, заволновалась далеко отправлять дочь с компанией незнакомых людей, где большая часть – молодые ребята.

Леда расстроилась. Она хотела быть ближе к Андрею Колосову, студенту второго курса Истфака. Андрей считался умным и веселым парнем, душой любой компании, имел много друзей и поклонниц. Да и собой хорош: рост выше среднего, стройный, спортивный, общительный ясноглазый блондин. Занимался легкой атлетикой, бегал по утрам в парке, кандидат в мастера по шахматам.

Леда в него влюбилась с первого взгляда, но сама стеснялась новых чувств, таила глубоко в душе, потому что была по натуре скромной и тихой мечтательницей, не стремилась оказаться на виду.

А вот Андрей, хотя всегда был в центре внимания, робкую голубоглазую девушку с длинными каштановыми волосами все же заметил. Сначала его привлекло необычное имя.

Он даже ошибся, как и многие при знакомстве с ней, – Лидой назвал. И был тотчас поправлен.

– Нет-нет, именно Леда... Михайлова. Очень приятно.

– Удивительно! Это богиня какая-то, да? Леда... красиво.

– Царица, – покраснев, добавила Леда.

– С грустной историей, ага, помню, конечно, я тебя просто проверял, – выкрутился Андрей. – Она же лебеда полюбила, правильно?

– Скорее, это Зевс ее приметил. Явился к ней в образе лебеда и соблазнил, – Леда опустила глаза, сердце колотилось нещадно, в первый раз она так долго разговаривала со своим кумиром.

– Кого только Зевс не любил. Золотой дождь еще проливал, наслышал-наслышан.

«Хорошенькая, но маленькая еще», – подумал Андрей и отвлекся на более взрослую и фигуристую соратницу Оксану.

Та давно посматривала на него широко открытыми жаркими глазами гоголевской панночки, и Колосов высоко вскинул голову, приосанился. Вот с такой дивчиной можно вечером прогуляться по городу, в кафе посидеть, к себе в гости позвать, благо родители на даче.

Леда грустно проводила взглядом красивую пару, идущую к дверям. А что оставалось ей самой? Вернуться в однокомнатную квартирку, что оставил отец, взяться за привычные книжки.

А там Сигурд – победитель дракона, гордая Брунгильда – валькирия, кузнец Велунд и Лебяжье белая дева, Илья Муромец, Добрыня Никитич, русские князья и волоокие, трепетные

девицы, что скорее бросятся с вершины башни или сторят в пламени подоженной избы, чем падут на руки врага-захватчика.

Мстивой Ломаный и Зима Желановна. Тристан и Изольда. Фархад и Ширин. Ланселот и Гвиневера.

Щемящая душу нежность и великая печаль, мечта о большой любви, истинной верности, которой не помеха ни годы, ни расстояния, ни людская молвь.

Но в эти томительные майские вечера не помогали даже любимые сказки. Леда подолгу стояла у окна, слушала раскаты первого грома, следила за струями воды, щедро омывавшими стекло, и тосковала по тому неведомому, что непременно ожидало впереди.

Сами собой шепотом срывались с губ слова из читанной-перечитанной книги: «Где же ты, тот, кого я всегда жду? И дождусь ли...»

После школьного выпускного бала незаметно промелькнуло на редкость дождливое лето. Зато студенческая жизнь добавила ярких красок в унылые сентябрьские будни, лекции по истории древних славян захватывали воображение, погружали в мир старины.

Оказавшись в своей стихии, Леда сама будто расцвела и несказанно похорошела. От матери ей достались изящная фигура и вьющиеся волосы в цвет ореха, а глаза были чисто голубые – Михайловские, недаром отец говорил, что личиком Леда пошла в их городскую прабабушку, скончавшуюся ровно за год до её рождения.

Софья Аркадьевна была потомственной дворянкой из благородного московского семейства. Еще молодой женщиной приехала в сибирскую ссылку за мужем, тут и осталась. А сгорнив супруга, одна поднимала сыновей, отказалась выходить замуж второй раз, хотя от приличных женихов не было отбоя.

Леда с трепетом собирала историю своих предков, рисовала на листе ватмана ветвистое генеалогическое древо Михайловых, подклеивала порывевшие от времени фотографии.

Увлекательное занятие, во время которого чувствуешь себя крохотным листочком среди разветвленной кроны близких и дальних родственников. А корни уходят так глубоко, что теряются во мгле веков, в русской родной земле.

На Истфаке девушку с уникальным именем быстро оценила мужская половина курса. Леда спокойно принимала комплименты, с появившимися вдруг ухажерами вела себя ровно, никого не поощряла, поскольку сердце занимал Андрей Колосов, – на два года старше и, казалось, намного умней, интересней.

Порой они сталкивались в коридоре или столовой универа, обменивались приветствиями, потом Андрей убегал по своим многочисленным делам. Теперь у него была новая подруга – одноклассница Алиса с волосами, выкрашенными в огненно-рыжий цвет, бойкая чертовка-хохотушка.

Колосову всегда нравились девушки, выделяющиеся из толпы, активные и готовые к свободным отношениям, без обязательств. Леда все понимала и не надеялась привлечь внимание такого видного парня.

«Может, правду говорят, рожденные в понедельник редко бывают везунчики. Хотя, папа меня всегда в обратном убеждал. Рассказывал, что первым днем недели правит Луна и потому день этот считался у греков именно женским.

Все девочки, появившиеся на свет в понедельник, найдут свое счастье в любви и создадут крепкие семьи. Рано отчаиваться и тосковать. Все у меня еще впереди».

Глава 2. Ингальская долина

Леда узнала, что летняя полевая практика после первого курса будет проходить в Ингале. Так называют низменность в дельте сибирских рек Исеть и Тобол, в семидесяти километрах от славного города Тюмени.

Некогда здесь располагались древние поселения и даже небольшие города. Тому свидетели увалы рукотворные и череда курганов-могильников, таящих в себе загадочные сокровища.

Еще русским царям воеводы тобольские докладывали про ушлый народишко, который тащит из татарских могил золотые и серебряные вещицы. Так получилось, что первыми исследователями долины стали «бугровщики», то есть разорители древних гробниц.

Прознав о кладах, зарытых в устье Исети, сибирские губернаторы грабеж старались всячески пресекать и поручили раскопки государевым служащим, людям ученым.

Самому Петру Первому прислали несколько партий сибирских кладов, часть которых и по сей день хранится в Эрмитаже, в галерее драгоценностей «Золото скифов».

А в наши дни территория Ингалы признана этнографическим памятником и природоохранной зоной. Археологические изыскания здесь ведутся серьезно и позволяют делать удивительные находки: древние захоронения, остатки крепостных стен, домашняя утварь и украшения.

Леда с нетерпением ожидала поездку в Исетский район. Слышала, что рядом с их студенческой базой пройдет историческая реконструкция, а значит, будут девушки в старинных одеждах, парни в кольчугах и шеломах русских витязей, потешные поединки с нешуточным азартом и синяками, толпы зрителей, костры и походные котелки с ушицей, а в сумерках песни под гитару, дружеские беседы, рассказы бывалых.

В прошлый раз Леда с одноклассниками попала на игровой эпизод покорения Сибири атаманом Ермаком. Проходила встреча близ Тобольска, а сейчас в Ингальской долине собирается большая инициативная группа из Екатеринбургa.

Со стороны местного студенческого совета курировать приезжих будет Андрей Колосов. Ух, как душа запела от этой вестки!

Однако первые дни практики настолько захватили, что Леда на время и думать забыла о делах сердечных. Студентов привели на место настоящих раскопок, о методах и задачах которых было прослушано немало увлекательных лекций.

Вот он – наяву, не в книжке, раскинулся на всеобщее обозрение старый город, открыл дары восхищенным потомкам: полуразрушенные дома, глиняные черепки кувшинов, наконечники стрел, остатки полусгнившей погребальной лодки из некрополя, бронзовые топоры, бусины из голубой шпинели.

Над бусинами профессор Матвеев особенно умилился.

– Это же редкий ювелирный минерал. Он в Индостане добывается да вроде еще на Шри-Ланке, как сюда попал, а? Настоящая сенсация! Полагаю, здесь Шелковый путь проходил, торговцы из Китая в наши камыши заглядывали.

Леда знала, что на языке сибирских татар «Ингала» означала «камыш». А еще среди чудесных находок были статуэтки египетских богов и фаянсовый амулет Гарпократа (эллинистическая традиция изображения древнеегипетского бога Гора).

– Здесь кто-то из царского рода похоронен, вероятно, один из владык племени саргатов, бравших с заезжих купцов дань – плату за возможность по этим землям дальше двигаться, – восхищался Матвеев.

Во время первой экскурсии на раскопки Леда ходила как замороженная, ведь рядом притаилась древняя сказка, оживающая на глазах, можно рукой коснуться.

Что за народ населял родную Сибирь тысячи лет назад, чем эти люди жили – охотой, земледелием, войной, когда еще кости мамонтов и шерстистых носорогов были не так глубоко засыпаны «пылью времен» на Западно-Сибирской равнине.

Вечером первого дня, едва студенты разместились в маленьких коттеджах исследовательской базы от Университета, Леда встретила Андрея. Случайно столкнулись у домика преподавателей – Андрей первым широко улыбнулся.

– Приветствую совратительницу Богов! Ты Вишнягова не видела?

Именем своим Леда втайне гордилась, но сейчас подсадовала на шутку. Впрочем, этому парню она бы многое простила.

– Ты Сашу ищешь? Он сидит у Матвеева, – вместе разбирают серебряные бляшки, говорят, нашли целую пригоршню.

– А-а-а, ясно, до утра будут над ними трястись, ладно, тревожить не стану. Современные хлопоты подождут. А ты чего скучаешь? Пошли к нам, Ситников сейчас будет про динозавра рассказывать. Все уже собрались.

– Ого! Я думала, он только мамонтами интересуется. Особенно малышами, помнишь, на Ямале нашли четырехмесячного мамонтенка, отлично сохранился. Я репортажи видела, так жалко...

– Кого жалко? – притворно удивился Андрей, в душе потешаясь над чувствительной второкурсницей.

– Ученые выяснили, что он еще маминым молоком питался по своему возрасту, а так глупо погиб, провалился под лед, утонул. Обидно и грустно, – пояснила Леда.

Колосов с возрастающим интересом смотрел на взволнованное личико трепетавшей перед ним девушки.

«А она ничего... повзрослела, миленькая такая».

Вслух же сказал, важно надув щеки:

– Нет, сейчас не про то разговор! Представляешь, в Ингале нашли скелет ящера с крыльями.

– Птеродактиль? – изумленно ахнула Леда.

– Выше бери, – загадочно подмигнул Андрей. – Ситников сказал, больше на дракона похож.

– Ага! Ситников еще не то расскажет, любит выдумывать. Я уже заголовки вижу: «Найдены останки первого сибирского дракона. Мировая сенсация!»

– А что ты против летающих ящеров имеешь?

– Совершенно ничего, только не по-нашему как-то, – задумалась Леда. – Драконы – это Европа, ну, еще Китай. А у нас всегда были Змеи крылатые. Сказки же знаешь? Змей Горыныч... Змей Волос... И вообще, дурная слава ходила на Руси о подобных динозаврах. Ты предание о Петре и Февронии слышал?

Леда торжественно повысила голос и прола нараспев:

– Однажды в семье Павла случилась беда – повадился летать к его жене змий, принявший облик самого Павла. Младший брат Павла – Петр взял Агриков меч, и, выследив змея, поразил его...

– Слишком уж вы суровы, мадмуазель! – смеялся Андрей. – Всех змеев богатыри у нас давным-давно истребили, даже в Красную книгу некого занести. А вот то, что в Ингале водились летающие ящеры, кажется, скоро станет научным фактом. Идешь со мной?

И зачем он такое спрашивал, Леда без раздумий пошла бы с ним на край света, а не то что в палаточный лагерь по соседству со студенческой базой.

– Я только девочкам скажу, чтобы не потеряли.

– Точно-точно! А то вдруг какой-нибудь древнерусский дракон до сей поры спит в одном из курганов. Услышит твой легкий шаг и проснется, чтобы в подземный мир утащить.

– Я под землю на хочу. А вот в облаках полетала бы, – Леда мечтательно прикрыла глаза.

– А Персефону, например, никто и не спрашивал! – страшал Андрей, наклоняясь ближе. – Утащил Аид под землю, сделал своей женой. Кстати, с Ледой Зевс тоже не особо церемонился, раз уж она ему приглянулась. Будь осторожна, девица! Лазят тут всякие...

– Сейчас напугаешь, побоюсь идти с тобой через поле, – смотри, темнеет уже. А ты обратно проводишь? – затаив дыхание, спросила Леда.

– Зачем? У меня на двоих палатка, скажи подружкам, что останешься до утра, – усмехнулся Андрей, ощутив, как сильно бьется собственное сердце.

– Хватит шутить, мне надо вернуться к полуночи, – прошептала Леда, поднимая на него доверчивый взгляд.

– Та-ак, никакой кареты я не вижу, тыква и мыши нам явно не грозят, разве, что твои кроссовки превратятся... превратятся...

– Да, какая из меня Золушка? Брось чудить.

Андрей смеялся, радуясь новому развлечению, а у Леды голова кружилась от счастья. Он ведь за руку ее взял, когда она чуть не споткнулась на неровной тропинке. И теперь идут они рядышком в сумерках по той самой древней Ингале, – солнце давненько уселось на свой ночной шесток, только потягивается перед сладким сном, дразнит последними лучиками.

А еще до срока выплыла на небо луна, и Леда мысленно обратила к ней свою мольбу, с детства почитая за личную покровительницу:

«Пусть буду мила ему и желанна, матушка Луна, пускай же все сбудется!»

Андрей тоже был доволен. Его Алиска рыжекосая в городе осталась сессию пересдавать, подтягивать длиннющие хвосты, а здесь на игрищах все девчонки со своими парнями, ни с кем не побалуешься.

Приезжие из Екатеринбурга строгие оказались, все как на подбор крепкие, ладные парни, лихо машут топорами и стреляют из всамделишного лука. Подружки визжат от восторга, на Андрея внимания не обращают.

Непривычно было оставаться на вторых ролях, самолюбие саднило второй день, а тут Леда... Смотрит блестящими, большими глазами, словно дороже и нет у нее никого. Неделя обещает пройти весело и с размахом. Чудесная девчонка, странно, что до сих пор одна, если бы не Алиса, пожалуй, можно бы с ней погулять подольше.

Андрей снисходительно глянул вниз и влево на каштановые завитки волос у виска, на опущенную голову и скоро поймал в ответ восторженный ясный взгляд.

«Черт! Хорошенькая, чистенькая, все сказочки на уме. На такой сразу жениться надо, а мне рано еще создавать семью. Чепуха!»

Леда ни о каком замужестве не думала, просто шла рядом с юношей, о котором столько мечтала, и была рада его вниманию.

И все последующие вечера проводила с Андреем: вместе слушали у костра шуточные и вполне реальные истории из жизни ролевиков, всякие мистические байки, обсуждали новости студенческой жизни, спорт и киноиндустрию.

В эти дни Леда впервые услышала песни Хелависы и долго в себя прийти не могла, настолько показались ей близкими и знакомыми, аж по коже холодок и сердце щемит. Девушка из приезжих, назвавшаяся Младой, сама отлично на гитаре играла и дивно пела, подражая интонациям Натальи О, Шей.

Как замороженная Леда внимала каждому слову, быстро заучивая тексты наизусть.

– Андрюш, хорошо-то как, почему я раньше не знала, это же целый мир! Все наше, мое, – я чувствую, разделяю. И «меня заливают песня, как вода, сквозь перила ажурные тела...» Тоньше не скажешь.

– Да ладно тебе, и так ясно, что красиво поет. Пойдем ко мне!

Очарованная музыкой и атмосферой теплых вечеров у леса, Леда покорно шла к палатке Андрея, принимала его жадные торопливые поцелуи и, словно во сне, позволяла большее. А потом, когда все это между ними случилось, даже не испугалась, не пожалела, как должное приняла, только слова его после уж больно горькими показались.

– Ты что сразу не сказала, я бы может, не стал. Я ж не думал, что ты еще ни с кем не была. А теперь, скажешь, что я – подлец, девочку совратил. Леда, я тебя не заставлял. Ты сама. Ну, ты чего, реветь еще будешь? Прости, не могу ничего обещать. Я сразу сказал, мы просто друзья. Алису я не готов сейчас бросить, она дерганая, начнет истерить. И папаша у нее жесткий.

Леда медленно просыпалась от грѐз, слушала Андрея со слабой улыбкой, даже погладила по руке, едва не жалея.

– Не переживай, винить не буду, сама так хотела. Думала, люблю.

– А теперь что?

Странно было слушать, как в голосе Колосова вдруг зазвучали ревнивые нотки.

«Хочет сразу для всех стать дорогим и любимым. Так не бывает», – задумалась Леда.

– Андрюша, мне пора. Нет, не провожай, помню дорогу. И не приходи больше, не надо. Я все поняла. Спасибо.

– Да за что спасибо? – вспылил он. – Слушай, ты из меня вообще козла какого-то делаешь? Попользовался и бросил... Леда, я тебе ничего не обещал!

– А я ничего и не прошу. Просто хочу уйти.

– Эй! Я тебя сейчас одну не оставлю, ты же чудная. Еще чего сделаешь над собой, а я виноват окажусь.

– Андрюш, я взрослая девочка и маму очень люблю, никогда не принесу ей такое горе. А то, что случилось, так говорю же, у меня все было по любви, а раз тебе не нужна – навязываться не стану. У тебя подруга в городе, а со мной ты от скуки, я догадывалась, но была согласна. И теперь как-то странно... теперь все иначе видится.

Она хотела сейчас остаться одна, убежать, спрятаться и выплакаться где-то вдали от его виноватых и уже чужих глаз. Смурно было в горнице души. И еще боялась, что не сдержится, обхватит Андрея руками и разрешится на плече, а это стыдно и вроде бы теперь ни к чему.

Но и обиды на него не держала, и правда, сама пришла, сама все позволила, сама осмелилась поцеловать и была его ласкам рада.

Леда медленно брела к одинокому костру в поле. За полночь уже, ребята разошлись. Завтра последний день, показательные выступления, штурм крепости и много других интересных мероприятий. Журналисты приедут, съемочная группа местного ТВ, множество зрителей оценят яркий прощальный праздник.

А сейчас отдыхают туристы по своим палаткам, обнимают боевых подруг, предвкушая, как ладно будут поутру держать в умелых руках тяжеленькие мечи, сурово поглядывая на соперника.

Все пройдет удачно, и кольчуга приятно обнимет плечи, и лук будет натянут вовремя, и стрела поразит цель, а на память останется множество ярких фото и видео. Будет что вспоминать до следующих сборов. Эти «ингальские» явно удались.

Уже подходя к догорающему костру, Леда различила знакомый напев Млады. Рядом с ней сидел друг ее, взявший имя Ратибор, – ох, нарочно для завтрашней битвы не бривший рыжую бородищу вторую неделю.

Сильным, грудным голосом выводила Млада знакомую до дрожи песню:

*– По лазоревой степи ходит месяц молодой,
С белой гривой до копыт, с позолоченной уздой,
Монистовый звон монгольских стремян,
Ветрами рожден и ливням пьян...*

И сами собой у Леды полились лёгкие слезы. Вот оно – все рядом, испокон веков здесь было. Высятся впереди высокий курган неизвестным народом на сибирской земле сложенный, дремлют в глубине насыпи тайны усопшего, а скоро придет черед подымать их на свет божий, открывать двери в прошлое, заглядывать цепким, внимательным оком ученого.

Бережно, но настойчиво придется тревожить последний причал полусгнившей лодки, где смиренно, как в колыбельке, сложив костистые длани на груди спит древний хозяин камышовой низменности в долине Приисетья.

Так, на убывающей луне посреди темной Ингалы превратилась Леда из мечтательной девочки в женщину. Задумалась, забоялась о своей судьбе, да вскоре смирилась. О чем тосковать, пока есть в теле сила, а в устах дыхание и ускоряется ток крови по венам при звуках любимой мелодии.

*– Он шел ночью, порой ночью
За темной рекою, за быстрой водою.
Не знал укора, не знал покоя,
За желтой луною, за ней, вороною.
Пришел желанный, ушел постылый,
Чужая рана его томила,
Чужая слава его манила
Туда, где ходила ночная кобыла.*

Леда долго еще сидела рядом с Младой, впервые пробуя подпевать, ибо пару дней тому назад еще выучила много песен «Мельницы» наизусть.

Потом вместе со Стасом, – ой, то есть с Ратибором, конечно, вытаскивали они из золы обжигающе горячие клубни картофеля, ели так, без соли и, казалось, ничего вкуснее Леда в жизни не пробовала, чем рассыпающаяся в ладонях желтая крупчатая мякоть под ломкой черной кожурой.

Не страшило больше одиночество, не пугала неопределенность будущего, затягивались обиды и раны прошлого-настоящего.

Как можно быть одиноким на родной земле, посреди людей, что на твоём же языке говорят, поют чудесные песни, улыбаются тебе светло, делят еду и на твою долю.

А когда истаяла ночь и забрезжил рассвет, Млада с Ратибором проводили ее до студенческого поселения. Оглянувшись на вытопанное поле, Леда заметила, что возле остывающего кострища стоит Андрей, смотрит пристально, но не решается пойти следом.

Он встретил ее на следующий день, в разгар праздника. Внимательно заглянул в глаза и, не заметив в них особого укора, завел разговор:

– Я вечером уезжаю в город, хотел проститься с тобой, вашу группу завтра отправят, правильно?

Леда кивнула, удивляясь про себя тому, что чуть дрожащий голос юноши больше не вызывает в душе знакомого трепета.

Ти-ши-на.

– Обижаешься на меня, злишься? Я плохо с тобой поступил, каюсь, но ты и сама пойми...

– Мы вчера с тобой наши дела обсудили. Я не злюсь, Андрюш, успокойся уже. Все в порядке.

Он нервно взъерошил пятерней свою челку, равнодушный тон девушки немного выбивал из колеи.

«Хоть поплакать могла бы, как-нибудь обзвать, на шею повиснуть, глядишь, я бы и пожалел, придумал чего... Алиска порой из-за ерунды умеет мозг выносить, а эта тихоня только

смотрит своими синими глазками, как Святая Дева, и все готова простить. Я от этого себе еще большим гадом кажусь, вот же история...»

– Андрюш, мне пора. Прощай!

У Колосова вдруг возникло неприятное ощущение, что его гонят, после того как самого будто бы использовали и бросили за ненадобностью. Странное, непривычное для бойкого парня чувство и горькая досада. Никогда еще ни одна девчонка не вызывала таких противоречивых эмоций.

Сам от себя не ожидая, Андрей выпалил:

– Леда, давай еще встретимся! В первый раз всегда не очень бывает, а потом... лучше.

– Не хочу! Руку отпусти, мне действительно идти надо, меня Матвеев давно ждет.

– Стой! Подарить тебе хочу одну безделицу, только никому не говори, обещаешь? Слово дай!

– Ничего не надо! – повысила голос Леда.

– Эх, ты не понимаешь! Я хотел в город увезти, а теперь тебе отдам, может, простишь меня, искуплю свои грехи, хоть не кровью. Держи, это я здесь нашел, еще пару дней назад.

Он сам взял ладошку Леды и разомкнул стиснутые пальцы. Она сначала нахмурилась, но не стала у всех на виду отчаянно вырываться. А потом замерла, приоткрыв рот. В руке у нее лежала маленькая, почерневшая от времени фигурка мифического существа.

Андрей пояснил со вздохом.

– Я когда нашел, сразу о тебе вспомнил, все наши долгие разговоры и прочее... Вот тебе русский дракон, собственной персоной. Ну, что – разве не похож?

– Похож... – Леда кивнула. – Только уж тогда – Змей, а не дракон, но где же его крылья?

– Ну, вот, будто горб на спине, видишь, значит, крылья сложены. Отдыхает, гаденыш!

– Не надо его ругать! – заступилась Леда, – смотри, он в передних лапах будто шар держит, что это может быть, интересно... Андрей, надо Матвееву скорей показать, и еще место, где ты этот предмет выкопал, заметить точно.

Колосов отрицательно замотал головой.

– Ты не понимаешь, дракончика я тебе дарю, но с условием, что только тебе. И совесть свою успокой, там – в раскошем сундучке еще пара таких же, и на черепках изображения крылатого чудища, – одного можешь смело себе оставить. На память. Не обо мне, так об этом лете на загадочной земле. А на долю историков хватит, весна урожайная была на подобные находки. Я диплом буду писать по Ингале, меня Ситников сам будет вести, представляешь?

– Скоро Ингалу назовут Змеиной Долиной. Туристы понаеду-ут...

Впервые за этот день Леда улыбнулась, и у Андрея сердце зашлось.

«Какая искренняя прелесть передо мной стоит, почему я раньше не замечал, что она такая славная штучка. Решено! Приеду в город, с Алиской сразу поговорю, хотя она истерику закатит, надоели уже ее заморочки. Поругаемся и скажу, что устал, хватит с меня. Леда простит и примет, будем вместе, ей понравится со мной, может, потом даже поженимся, хотя она из бедненькой семьи, слышал, мама где-то полы моет. Жалко, конечно, что такая пролетарская родня, мои предки точно на дыбы встанут. Зато девочка чистенькая, и я у нее первый, разве можно так отказать так просто...»

А Леда уже об Андрее не думала, гладила пальчиками бронзовую фигурку в руках, и сердце билось чаще.

– Смотри, да она будто в огне побывала, краешки вот оплавились.

– Думаешь, погребальный костер?

– Ах...

– Оставь мне свой телефон, я позвоню.

Ответить она не успела или не пожелала, к Андрею подошли ребята в меховых татарских шапках, загудели басом, расспрашивая про расписание поединков.

А когда решил их вопросы и обернулся, Леда уже исчезла, унеся с собой маленький древний артефакт.

Глава 3. Лето в «книжном» и новые драконы

В качестве поощрения за все подтянутые «хвосты» и закрытую сессию родители наградили Алису путевкой на теплое море. Какое именно, пусть выберет сама. Утром, пока оба нежились в постели, отмечая встречу, Алиса решила посоветоваться с Андреем.

– Ну, решай, Турция или Тайланд?

– Лисенок, у меня дела в городе, столько планов, сейчас не до того. Еще надо документы оформлять, мы с ребятами в Калининград едем, все очень серьезно, – наморщил лоб Колосов, вспоминая массу важных дел впереди.

– Ну, опять вернешься оттуда загруженный, месяц будешь отходить! Это что, обязательно? Пусть теперь копают другие, ты уже засветился на всю область. Тебя и так везде знают.

– Мне самому нужно, я должен там быть, понимаешь?

Алиса обиженно надула губки, а потом все же сменила гнев на милость, уложив рыжую голову на плечо друга:

– Давай хоть на десять дней выберемся куда-то, мне хочется отдохнуть и тебе не помешает отвлечься. Если с деньгами напряг, мои помогут, ты маме нравишься, возьмет путевку на двоих.

– Я ведь не бедный, мне тоже предки могут денег подкинуть, просто курорт сейчас не планировал. Мы с ребятами...

– Может, в Египет? – перебила Алиса, и тут же сама ответила, – фу-у, не хочу! Отстой!

– Ну, да... Мы были в прошлый год, надо расширять горизонты.

– Индонезия?

– Слушай, если уж ехать, то ближе к Европе, ты в Греции была? В Италии? Памятники, музеи... древняя культура, вот куда меня тянет, – пробормотал Андрей.

– Так чего ждать! Давай на сайте «Глобуса» посмотрим, что у них сейчас интересного, потом в агентство – и сразу закажем. Давай, Андрюш, а? Последний год осталось доучиться, надо набраться сил перед дипломом, меня последняя сессия выжала как лимон.

Тяжело дыша, Алиса приложила руку Андрея к своей обнаженной груди.

– Ты же видишь, я хожу сама не своя, в салоне уже не была неделю, занятия по йоге забросила, мне из «тренажерки» звонят, спрашивают, где любимая клиентка потерялась. Ничего не хочу, у меня стресс, похоже, нужно расслабиться. Море... песочек белый, вилла на двоих... я тебя так буду любить!

Андрея вдруг кольнули воспоминания о вечерах в Ингале. Не то, чтобы стало совестно за роман с другой, пока Алиса в тяжких муках пересдавала экзамены. Просто всполохами костра метнулись перед глазами робкие ласки Леды, ее доверчивость и открытость.

«А я, свинья, паршиво с ней поступил. Так сама согласилась, я же не заставлял. Славная она, милая. Но ведь Рыжая просто так не отцепится. И море... На море я бы тоже не прочь».

Словно угадывая тайные сомнения Андрея, опытная в сердечных делах Алиса продолжала уговоры, умело совмещая слова с поцелуями.

– Зайчик, мы замечательно отдохнем. Потом сразу с головой в работу, материалы для диплома подготовишь, защитишься круче всех и в аспирантуру рванешь.

– Да-а уж! Тебе явно туда соваться не стоит. Умишко-то бабский.

Алиса легко проигнорировала небрежное замечание в свой адрес, уверенная, что женский ум заключается, прежде всего, в умении быть привлекательной и нужной для тщательно выбранного мужчины.

А ученых старых дев она видела за свою веселую юность, да вот хотя бы пара преподавательниц с ее факультета. Перезрелые груши – сутулые тетки в старомодных костюмах.

Ну, пусть они доценты, профессора, а семьи-то нет, и сами похожи археологические находки, что веками лежали в земле, – ни одеться толком не умеют, ни причесаться, заброшены и неухожены, а еще женщины... Да кто польститься на такую рассохшуюся амфору?

Есть и элегантные исключения, конечно, но все они лишь подтверждают Алисино правило: «Женщине не место в науке! Пусть мудреными разработками и нудными статьями занимаются мужчины. Вот они-то могут выглядеть сексуально даже с лысинкой и в огромных очках, особенно при хорошем окладе».

– Сама куда после учебы собралась?

И снова она простила Андрею некоторое раздражение в голосе, ведь ясно – устал человек, шутка ли, больше недели в палатке спал, а еще комары, каша из котелка и никаких удобств. И любимая далеко, обнять ночью некому.

О том, что у нее может появиться соперница, Алисе даже в голову не могло прийти, настолько была уверена в своей неотразимой прелести. А что касается будущего, то для нее оно предельно понятно.

– Меня тетя Света обещала в департамент устроить, в Торгово-Промышленную палату области. Там скука, правда, всякие бумажки писать, отчеты, сводки, но бывают интересные мероприятия, иностранные делегации, поездки всякие. Вот недавно прошла встреча с послом Франции, тетя Света сама его по местным музеям водила, картины показывала. Ишимские ковры ручной работы с цветами на черном поле приглянулись французу. Сейчас китайцев ждем.

Алиса прижалась к Андрею всем телом, ласково поглаживая внутреннюю поверхность его откинутой руки.

– Я попробую там прижиться, если не пойдет, то к маме в салон, куда же еще. Главное, высшее образование у меня будет, а работать можно и для души. Правда, зайинька? Ты же меня прокормишь, если что?

– В школу идти не хочешь, ребятишек учить? – лениво поинтересовался Андрей, заранее зная ответ.

– Ой, насмешил! Я с дуба рухнула? В школу – нервы трепать, не-ет, это для неудачников!

– Почему сразу – неудачников, там, вроде, платят сейчас неплохо...

– Ты знаешь, какие дети отмороженные? Это полный улет, отвечаю.

Пренебрежительный тон задел Колосова, хотя для себя он давно все распланировал четко: дипломная работа по высшему разряду, потом аспирантура и суровые будни исследователя, защита диссертации, ученая степень и любимое дело – лекции, встречи с молодежью, общественное движение. Каждый год новая блестящая статья, научные открытия.

Но иногда перед глазами вставали ряды парт, в ушах гудел беспокойный улей детских голосов. Андрей любил школу, вспоминал годы своей учебы с сентиментальной улыбкой, навещал старых учителей и всегда радовался выступлениям перед подростками. Одно из приятнейших дел, по-настоящему будораживших душу.

Те мальчишки и девчонки, что приходили в их маленький музей «Эхо памяти» уж точно не были «отмороженными», они живо интересовались историей родного края, с блестящими глазами рассматривали пожелтевшие треугольнички солдатских писем с фронта, фотографии тех, кто ушел на войну молодым, да так молодым и остался, пропал без вести для родных, был найден и «возвращен домой» усилиями отряда тюменцев.

Юные посетители музея хотели знать больше, они задавали вопросы, высказывали гипотезы. Андрею было легко с такими ребятами, он чувствовал себя в своей стихии, гордился знаниями «старого поисковика», чувствовал неподдельное уважение молодежи. Он был нужен, он делал что-то важное и полезное, а значит, и жил не зря. Почему-то для него всегда было важно оставить след.

Откровенность Алисы показала огромную разницу между ними – будущий доцент исторических наук и капризная светская красавица, мама которой владеет сетью салонов красоты в городе. Каким только ветром занесло эту девушку на Истфак... Впрочем, она не скрывала:

– Понимаешь, я бы на «Финансы и право» пошла, но с алгеброй у меня совсем глухо, да и скука там – сутками зубри законы, все равно по специальности работать не собираюсь, мне бы только диплом о высшем образовании получить, маман такое условие поставила. Иначе могла бы сразу к ней администратором, обещала, что подарит потом свою «Алису», я даже знаю, что там нужно поменять, дизайн фойе уже устарел, у меня куча идей, я так развернусь...

Андрей вздохнул, нехотя выбрался из кровати и поплелся в ванную, слыша за спиной легкие шаги и щебетание подруги, которая даже не думая одеваться, включала на постели ноутбук.

– Ну, что мы решили, зайчик? Я в «Глобус» звоню, ага? Я бы от Италии не отказалась. Прикинь, Тоскана... настоящее кьянти, лазанья... старинные крепости... Там же «Сумерки: Новолуние» снимали.

– Ага... зарождение этрусской цивилизации, Леонардо да Винчи, Алигьери и Микеланджело... – устало вздохнул Андрей, – едем, Алиса, едем в Тоскану, солнце! Звони в «Глобус».

* * *

Леде знойная Италия не грозила. Леда всерьез подумывала о том, чтобы на остаток лета устроиться продавцом-консультантом в магазин Букинистической книги. Зарплата мизерная, но занятие интересное.

тому же подруга Ирина – верный сотрудник магазина как раз нуждается в отпуске, а найти стоящую подмену на три недели в разгар лета почти за гроши – непростое дело.

– Ледушка, выручай! Я буду тебя на выходные отпускать, только дней пяток продержись, пока я с сынишкой в деревню съезжу. Раз в год бабушку видит пацан, а там красотища, речка почти у дома, ягод полно. Ну, что ребенку в городе торчать в жару.

– Да поезжай хоть на десять дней, я совершенно свободна, у меня все родственники теперь в городе.

– Да ты мой ангелочек! – радостно верещала подруга. – Я тебе сейчас про последнее поступление расскажу. К нам дедуля забавный повадился, все полки облазил, кажется, он историком в школе работал и сейчас пишет книгу о разных кладах, что в округе попрятаны. Карту составил, где золото Колчака искать, где Ермак татарское серебро припрятал. Умора! Я для него отложила пару книг по истории края, очень просил.

Так вот, учти, бабушка всегда по пятницам заходит, завтра жди. Только с ним держись особенно вежливо, а то он вспыльчивый и еще болтун, как начнет свои лекции читать, не остановишь. И про то, как у нас в Тюмени саркофаг с телом Ленина прятали в годы войны, и про декабристов, и про народные восстания...

– Не переживай, справлюсь! Я слушать умею. Поезжай спокойно.

– Еще одна девушка должна за Крапивиным прийти, она все его издания собирает, сама студентка-филолог. Вот, смотри, еще Лагунова ей предложишь, вчера только принесли. Представляешь, в одном томе все произведения Лагунова для детей, а какие иллюстрации! Совсем люди книги не ценят, даже не поморщилась дама, когда я сказала, что только за сто рублей могу принять. Такую книгу и вдруг отдать за полкило пельменей!

– Не самых лучших пельменей... – вздохнула Леда, пару дней назад столкнувшись с некоторой дилеммой, стоя у холодильника в гипермаркете.

– О том и речь, – тараторила Ирина, – также всю «Анжелику» обещали забрать. Одна солидная тетя хотела увезти на дачу и читать в гамаке как французскую классику. О, еще чуть не забыла, смотри, что нам недавно сдали – Русско-ненецкий словарь аж 1941 года издания. Их же потом вообще не выпускали! Если знаток придет, будет в восторге, да этой книжице

цены нет! Я бы в музей отнесла, но не имею такого права, а самой покупать, знаешь, триста рублей тоже на дороге не валяются.

– Всего триста? Я сейчас же отцу позвоню, кто-то из его знакомых обязательно заберет, – загорелась Леда.

– Давай- давай, если много чего раскупят, хозяйка премию тебе выпишет, я похлопочу. Галин Иванна вообще классная тетка, она по-своему филантроп – денег куры не клюют, личная строительная фирма на двоих с мужем, а вот держит эту бумажную лавку чисто для души. Книжки, говорит, люблю с детства, особенно старые, это – моя ностальгия, память о родителях, они тоже всю жизнь собирали, таскали за собой по стране. Во, как человек книги любит! Сейчас мало таких.

– Я тоже люблю, – кивнула Леда, – но книги стали очень дорогие, вот только ваши подержанные и спасают, а еще папа часто раньше дарил. Сейчас ему не до меня, сыновья растут, им много чего надо, и телефоны по последней моде и компьютеры, чтобы поддерживали современные видеоигры, от сверстников опять же не отстать. Я у него ничего не прошу, он и так мне все положенное выплатил.

Ирина нахмурилась, сверля подругу пронизательным взглядом.

– Так, значит, пацанам надо, а тебе нет? Ты посмотри, посмотри, во что одета, на тебя же только «колхозники» и позарятся, почему не красишься совсем? Ага, ясно... На хорошую косметику денег нет, а дешевка нам не катит, знаем уже, проходили. Ледушка моя, тебе надо устраивать личную жизнь, надо искать нормального парня...

– Ира, тебя сын, наверно, дома ждет? – перебила Леда.

– Намек ясен, уже исчезаю! С ключами разберешься? Ну, давай, не скучай, со старичками-книголюбями не кокетничай, среди них тоже бывают маньяки. А потому, как любил говаривать дядя Козьма Прутков – бди! Ну, пока... аривидерчи, детка! До связи!

– Пока-пока!

Ровно две недели провела Леда среди потрепанных и даже почти новеньких книг в букинистическом магазинчике. Посетителей, надо признать, было мало. Знала Иришка, когда братья отпуск, все завязтые книголюбы сейчас на даче или в разъездах, внуками занимаются, а то и закатыванием банок на зиму, а может, просто слушают шепот прибоя где-то на дальних берегах, качаясь под пальмами в гамаке.

В основном магазин посещали женщины средних лет, выбирали любовные романы карманного формата в мягкой обложке, – таких книжечек было навалом, несколько полок и большая плетеная корзина в углу. Серия «Шарм», «Соблазны» и «Алая роза» разбирались за день, а через неделю возвращались обратно, ожидая новых покупательниц.

Стоили такие книжицы всего двадцать рублей за штуку, чего ж не купить на вечерок развлекательное чтиво? Такой же популярностью пользовались книги Донцовой и других мастериц веселого детектива, а также брошюры по эзотерике, цветоводству, кулинарии и ЗОЖ. Хорошо шла серия «Исцели себя сам», «Пробудись к свету», «Взрасти в себе мага и покори мир» и все такое прочее.

Леда охотно наводила порядок в книжном царстве, по-новому расположила томики на стеллажах, распечатала на компьютере броские заголовки, выделила место для новинок, исчезавших в сумках покупательниц, словно горячие пирожки: Дина Рубина, Пелевин, Рой, Стивен Кинг, Ремарк, Мопассан...

Также Леда поняла, что в магазине не задерживаются богато иллюстрированные издания с советами стилистов и дизайнеров, книги с глянцевыми переплетами по шейпингу и прочим способам улучшения женской фигуры. А подарочные энциклопедии для детей, особенно новехонькие, вообще, разбирались влет.

«Как они вообще к нам попадают? Неужели дети совсем не читают такие увлекательные и роскошно изданные книжки, уму не постижимо, как можно это не любить, тут одни картины

чего стоят, одни названия волнуют: Мифология, Корабли мира, Страны и континенты, Чудеса Света... Уйму денег стоит в „Книжных столицах“, а мы принимаем за копейки и с небольшой накруткой продаем. Зато как рады наши покупатели, обнаружив за двести рублей чудесный подарок внуку, который увлекается историей Древнего мира или любит динозавров. Вот, пожалуйста, вчера только принесли на продажу две новехонькие книги: „Драконы в мифах и сказках народов мира“, первой же бабушке завтра предложу, устоять невозможно, хотя...»

Покорунная ярким изданием, книжку про драконов Леда решила оставить себе. Иллюстрации очень красивые, да и легенды завораживают. Не такие уж драконы злобные чудища, оказывается, с некоторыми из них людям вполне удавалось жить в мире. Особенно молодым и привлекательным дамам.

Также не смогла Леда расстаться и с подарком Андрея, а ведь была у нее первая мысль сразу же отнести «дракончика» руководителю группы или самому Матвееву. Отложила эту идею на время, испытывая угрызения совести, а потом и вовсе якобы забыла, закрутилась со сборами в город, практика-то подошла к концу.

Уже дома, в своей комнате Леда долго держала странную фигурку в руках, так и смяк вертела ее, пока не приняла «постыдное» решение оставить у себя насовсем.

А на другой день местное телевидение показало передачу, в которой сотрудники краеведческого музея рассказывали о последних находках Ингалы. На белой бумаге, что покрывала стол перед телекамерами, были разложены женские украшения: мониста и гривны, глиняные черепки с рисунками, наконечники стрел и несколько таких вот бронзовых «дракончиков».

Пожилой доцент с горящими от научного возбуждения глазами вещал о том, что коренные жители Сибири еще застали бодрых динозавров, потому как раньше на Западно-Сибирской равнине был совершенно другой климат – настоящие тропики и всякой древней живности было здесь пруд пруди, а вот мамонты появились гораздо позже, когда даже трилобиты и гигантские моллюски – наутилусы вымерли. Причем, все можно легко доказать благодаря удивительным находкам.

Репортаж Леду успокоил, значит, Колосов не соврал, – у артефакта оказались копии, и потому она немедленно повесила личного ящера на изгиб старомодного настенного светильника у кровати.

– Станет моим амулетом! Только вот любопытно, что за шар у него в лапах, не в футбол же играть собрался. Хотя, ничему не удивлюсь, может, русские драконы были разумные парни и мяч гоняли по Ингальским болотам... Кто их знает!

Теперь к амулету добавилась еще и книга. Леда прилежно стерла мыльной тряпочкой чайные подтеки с глянцевого обложки, потом насухо отшлифовала мягкой фланелью корешок. Издания порой приносили затасканные, с пятнами и выпадающими страницами. Служащие магазинчика невольно становились книжными докторами – реставраторами.

«Так дальше дело пойдет, мне и настоящий крылатый дракон встретится, вот только где... В чашу дремучую я не собираюсь, на Пермскую анамалию и без меня ребята съездят, обещали фото показать, Аркаим на следующее лето запланирован, может, получится с группой выбраться, смотря, как с финансами будет, постараюсь накопить хоть немного за зиму, только с чего копить... Скорее бы диплом получить и найти работу».

Леда с головой погрузилась в будни книжного магазина и вскоре заметила, что гораздо легче сходитя с людьми старше себя по возрасту. Она почти час беседовала с назойливым старичком-краеведом, выслушала массу витиеватых комплиментов в свой адрес, а через пару дней у нее на столе лежала огромная шоколадка в качестве презента.

Леда поделила вкусняшку с «филологинями», забравшими несколько томов Крапивина и Лагунова, а заодно и новые, будто ни разу не раскрытые, сборники местных поэтов. Романтические девушки оказались. Леда вдруг почувствовала себя старше этих резвых веселушек почти на столетие.

«Не зря же за спиной однокурсники у виска пальцем крутят – чокнутая, „книжный червь“, зануда, – ну, и пускай! Что я сделаю, если мне с ними не интересно, зачем притворяться? И музыка современная популярная мне не нравится, и фильмы старые пересматриваю вместо новинок, и драные джинсы никогда не надену, – мне стыдно по улице идти, когда колени сквозь дыры торчат. Конечно, Андрюше было бы со мной неловко, ему нравятся девушки модные, а что я... Нечего о нем думать».

Так, чередуя солнечные и дождливые дни, промелькнуло лето, на факультет Леда пришла словно бы другим человеком. Однокурсники заметили, как тихоня повзрослела, стала более раскованной и открытой, уже не тушевалась, если нужно было отвечать доклад, не опускала глаза перед нагловатыми репликами.

Теперь она могла так ловко парировать скользкие шуточки, что языкастому оппоненту и возразить было нечего. Леду невольно зауважали, но дистанция между ней и ровесниками еще более увеличилась. Зато появились поклонники со старших курсов и даже молодые аспиранты заглядывались на серьезную девушку с умными, ясными глазами.

Сама о том не догадываясь, Леда выделялась из толпы студентов. По правде сказать, всем выделялась, хотя бы плавной походкой, будто плыла над полом, голову и спину всегда держала ровно, улыбалась знакомым приветливо, так что и у тайных недоброжелателей на душе тепло становилось.

«Ну, ее малохольную... точно не от мира сего!»

В перерывах между лекциями часто Леда стояла задумавшись у окна, листала какую-нибудь книгу, правила карандашиком наброски курсовой работы. Тему исследования выбрала интересную и непростую: «Языческие мотивы в русских деревенских заговорах».

Материал большой и слабо изученный на территории Приисетья, о чем пытливого студентку сразу честно предупредил куратор. Но сказочные элементы в будущем исследовании только привлекали, вызывая желание глубже разобраться, с головой уйти в бабушкину магию.

Может быть, Леде хотелось вновь ощутить дыхание старой печи, откуда «знаткие» люди брали уголёк и чертили круги на животике надрывающегося от крика младенца, утишая боль быстрым горячим шепотом.

Эта сцена и сейчас словно перед глазами, сама видела, ведь бабушка слыла по селу лекаркой, но рано ушла из жизни, Леда только-только закончила начальную школу, не успела и поговорить по душам, какие уж там перенять секреты.

Мама еще говорила, что односельчане к Серафиме Петровне шли не только с телесной хворью, но еще и с просьбой помочь в делах сердечных. Умела старушка мир и лад в семье сохранить, мужа непутевого домой вернуть, наказать обидчицу бесстыжую, которая привечает женатого мужика.

О многом бы ей Леда рассказала, испросила совета, да вот опоздала, не дожидая бабушка, чтобы помочь внучке развеять подступающую порой тоску и тревогу. Только и осталось, что съездить летом в родную мамину деревеньку, порасспрашивать старожилых о местных поверьях и заговорах. Пора собирать материал для курсовой работы, а там, глядишь, диплом не за горами.

С Андреем Леда мельком виделась на переменах между парами, но, кажется, он ее избегал, кроме того, ходили слухи, что живет вместе с лисой – Алисой на съемной квартире, весь в грандиозных планах и проектах. Занятой, востребованный человек на виду всего Университета.

Конечно, не помнит уже Андрей летние ночи на Ингале, да и Леда словно бы стала их забывать. Только дракончик из кургана висел на ободке настенного бра – тонкий, изящный, покачивался порой, словно желая расправить крылья и взмыть в небо. Скучал.

– Задумаешь лететь, и меня забери. Я здесь не очень кому нужна, разве, что маме, а там, может, и пригодилась бы... нашла свое счастье. Правда, маму жаль оставить одну. Забери хоть на время.

Где это «там» Леда и сама толком не знала, только понравилось ей представлять, что есть «за горами, за морями, где люди не видят, а Боги не верят...» таинственная страна, где сохранились и вполне процветают древние крылатые создания.

С замиранием сердца, словно старинное заклинание снова и снова пропевала Леда слова Хелависы из песни о Драконе:

*...Там тот последний в моем племени легко
Расправит крылья – железные перья,
И чешую нарисованный узор
Разгонит ненастье воплощением страсти,
Взмывая в облака судьбе наперекор,
Безмерно опасен, безумно прекрасен.
И это лучшее на свете колдовство,
Ликует солнце на лезвии гребня,
И это все, и больше нету ничего —
Есть только небо, вечное небо...*

«Нет, не любили на Руси драконов, боялись, боролись, – рассуждала Леда. – А я вот не верю, что все крылатые злы, и кто же мне мешает придумать себе дракона мудрого, сильного, справедливого да благородного. Пусть только в мечтах моих. Только лишь для меня. Чтобы мог защитить, уберечь, поднять над землей и показать мне ее сверху, такую родную, милую землю. Может, и я стала бы ему нужна. Вдруг он тоже одиноко по свету белому мается, о подруге тоскует. Всему живому на земле нужна пара, именно по себе пара, по душе и по сердцу. Я была бы ему верной спутницей и подругой, о ином и мечтать нечего. Он же – дракон, змей. А я – человек.»

Леда вспоминала, задумывалась, уже между строк читала с детства знакомые побасенки. И ведь есть старая русская сказка, в которой ясно говорится, как Змей унес царскую дочь, и так она ему поглянулась, что не стал обижать, а сделал своей женой. Каково?

Одна надежда, что чудовище может превращаться в обычного человеческого мужчину, а то жизнь с Ящером-мужем совсем не сладка юной девушке.

«Чего только не придумают люди себе на забаву».

Леда смеялась над своими фантазиями, а талисман в руках теплел, будто внутренним жаром наливался, крохотные желтые камешки в глазах дракончика слабо мерцали – и не в силах найти тому внятное объяснение. Леда считала, что это просто блики от лампы.

Однажды, расчувствовавшись, она коснулась губами бронзовой фигурки, вновь удивившись тому, каким мягким и теплым теперь казался красноватый металл в ее ладонях.

«Принеси мне удачу. Или меня к ней доставь. Я знаю, ты можешь...»

Глава 4. Долгая дорога в сказку

Уже начала облетать черемуха, когда в город с концертом приехала «Мельница». К этому времени Леда знала наизусть добрую половину репертуара любимой группы, прочитала все, что смогла найти в Интернете об исполнительнице и авторе песен – Наталье О, Шей: биографию, редкие интервью, отзывы. Собрала в отдельную папку на ноутбуке лучшие фото и видео.

Конечно, такое событие, как выступление Хелависы в местном зале новой, недавно отреставрированной филармонии Леда пропускать не собиралась. Тысяча рублей за билет, конечно, приличные деньги, но ведь один раз живем, когда еще заглянет в провинциальный город известная группа.

Однако, надеждам Леды сбыться не удалось, как раз накануне концерта разболелась мама, и что за притча такая – летом воспаление легких подхватить. Обидно, конечно. На работе отгулы взять не проблема, но кто же будет кормить маленькую семью. Все деньги, что были отложены на непредвиденные траты, быстренько исчезли в аптеке. Какая уж тут филармония!

Впрочем, оставалась еще у Леды возможность на концерт попасть, например, у отца денежку попросить, чего прежде никогда не делала, были и другие варианты. Узнав об ее увлечениях, мог помочь хоть Никита Попов – аспирант Истфака.

Высокий, худощавый, в очках, еще более робкий в общении, чем сама Леда. Парень хороший, со всех сторон положительный, да не лежит душа, а зачем зря обнадеживать человека.

Одним словом, пропустила Леда значимое для себя событие, но постаралась философски отнестись к ситуации. Главное, маме стало лучше, скоро из больницы выпишут, и сама Ольга звонит веселая, помолодевшим голосом рассказывает про врача-терапевта Николая Дмитрича. Уж какой он заботливый, обходительный. И когда Ольгу фонендоскопом выслушивал, у нее сердце от волнения чуть не выпрыгивало из груди.

– Мам, ты у меня влюбилась?

– Да ты что-о! Он же старше меня, лысенький совсем, хотя выглядит вполне молодцом. Правда, Николай Дмитрич холост и человек добрый. Но главное, руки у него особенные, настоящие мужские руки, сильные и надежные, понимаешь?

Леда не очень понимала, только стало вдруг грустно, захотелось увидеть рядом с собой надежного человека с такими руками, ну, не старенького, конечно, но можно и взрослого совсем. Даже как отец.

Михайлов, кстати, в июне о дочери вспомнил и записал Леду вожатой в «Ровесники» – подростковый лагерь за городом. Она с радостью согласилась. Мама совсем поправилась и приехала из больницы счастливая, потому что Николай Дмитрич взял номер ее телефона и уже несколько раз звонил за один вечер.

А быть вожатой – занятие хоть и ответственное, но интересное. Несмотря на дожди, затянувшиеся чуть ли не на десять дней, смена на озере со смешным названием Култыбайка прошла отлично. Леда выяснила, что кроме как со «старичками» умеет быстро находить общий язык и с подрастающим поколением.

Вокруг нее всегда вились ребяташки, просили рассказать страшные истории про леших, домовых и русалок. Леда таких сказочек знала превеликое множество, одним только голосом умела нагонять жути у вечерних костров, а еще пела. Хелавису, конечно, кого же еще.

О своей личной жизни словно забыла, будто после Андрея замерзло что-то в душе и ни с кем не могло оттаять. Поддерживая беседу с молодыми вожатыми, Леда тоже часто шутила, но глаза ее оставались грустными и спокойными, как сумеречные озера, у берегов которых в изобилии цвели кувшинки.

Вскоре ее так и прозвали за глаза «русалкой», прозвище прижилось и как нельзя лучше отражало внутреннюю суть и даже романтический облик. Так, «русалкой», и пробыла она до

окончания Университета, а еще «чудачкой», «монашкой» и «недотрогой». Только подобные эскапады со стороны однокурсников нисколько не обижали, хватало других забот.

Чтобы матери помочь, Леда нашла себе подработку на дому – расклеила на доске объявлений предложения услуг по набору текстов, писала рефераты и проектные работы школьникам, готовила к ЕГЭ по истории, помогала молодым студентам с курсовыми. На собственные средства смогла обновить ноутбук, потому как тот, что отец дарил на шестнадцатилетие, не пережил восьмого ремонта.

Зато у мамы все было хорошо. На глазах расцветала, давая дочери разумные советы:

– Вот бы тебе тоже хорошего человека встретить, на работу устроиться, тогда я буду спокойна, может, совсем уйду из салона. Ноги болят, не могу долго стоять, что за напасть... Коля зовет к себе окончательно, говорит, мы не дети, чтобы в гости друг к другу бегать – на два дома жить, надо решаться. Летом в Абхазию зовет, у него там друг. Я же нигде не была, только с Мишей в первый год съездили на море. Милая моя, столько всего увидеть хочу, столько есть в мире красивых мест!

Леда отлично все понимала и, когда отец завел к себе на кафедру для серьезного разговора, знала, что ответить.

– В аспирантуру я не пойду! Буду искать работу, хватит у мамы на шее сидеть, мне стыдно. Давно все решила – получу диплом, начну турфирмы обзванивать. Английский у меня на приличном уровне, если надо еще подучусь, можно все параллельно успеть. Я с детства мечтаю о путешествиях, а какая у меня возможность повидать мир?

Михайлов долго молчал, протирая очки, вздыхал и морщился, а потом сделал какой-то звонок и объявил, что попробует помочь с работой.

– Мой бывший студент в «Сказке» сейчас, говорил, что им нужна расторопная грамотная девушка, секретарша для руководителя, лучше историк – краевед по образованию. Ты идеально подойдешь, если уж решила работать. Только вот путешествия будут по области, на загранпоездки рассчитывать не приходится. Устроит тебя такой вариант?

– Устроит – устроит, начнем приключения с родной Сибири. А «Сказка» – это название организации? – воодушевилась Леда.

– Да, новый проект, одобрен на уровне департамента по культуре в целях развития местного туризма. «Русская сказка», – банально, конечно, могли бы и почуднее придумать, хотя содержимому соответствует. Я был у них недавно в Тобольском филиале, очень масштабно взялись. Выстроили настоящий древнерусский городок по всем канонам: частокол из огромных бревен, массивные ворота, детинец – все деревянное, замечательная реконструкция.

– Ух ты! Продолжай-продолжай...

– А внутри посада, представляешь, разместили лавки ремесленников: гончары, кузнецы, кожемяки... – расхваливал Михайлов. – Ну, и наше сибирское косторезное мастерство, а еще и ткачество, махровые коврики на маленьких станках, где каждый узелочек вручную завязан, исконная местная техника. На открытие городка Мастеров столько народу было... у-у-у! Туристы из Японии и Норвегии, немцев много, китайская делегация. Хорошо подготовились наши, нашли чем удивить. А ярмарку какую организовали – смак! А что сделали в Ингале... Думаю, на всю страну будем известны.

Леда опустила глаза и слегка кулачки сжала, вспоминать летнюю практику в Приисетье не хотелось, но уж раз начали разговор, надо поддержать.

– А что же в Ингале?

– Собираются через неделю открывать санаторий, место уникальное, реликтовый сосновый лес, термальное озеро, минеральный источник. Природоохранная территория, никакой хозяйственной деятельности, покой и тишина, с превеликим трудом выдали разрешение для основания маленькой турбазы. Видимо, только для гостей области, высокого начальства, а простому люду туда хода не будет. Места там особенные, заповедные, жители окрестных сел их

не жалуют их, стороной обходят, говорят, были необъяснимые случаи, чудилось, мерещилось всякое. Одним словом – сказки!

– Санаторий для элиты, ничего не скажешь, – усмехнулась Леда.

– Не просто санаторий, а этнографический музей под открытым небом. Я видел эскизы, там собираются деревянную скульптуру Змея Горыныча установить, в натуральную, причем, величину.

– И кто же эту величину определил? По народным преданиям или рассказы очевидцев имеются? – съязвила Леда, хитро поглядывая на отца.

– Предания тоже не на пустом месте рождались, кто-то и видел, должно быть.

– У страха глаза велики!

– Слышу в голосе скептицизм! Да-а... Это наше родовое – Михайловское. Стало быть, в русского дракона, вы, сударыня, не желаете верить? – смеялся отец.

– Верю, почему же нет, и в лебедя для Леды тоже верю. Мне одно интересно, почему у русского дракона три головы? И на месте срубленных новые вырастают? Ускоренная регенерация? Удобно чудище устроилось, ничего не скажешь.

Михайлов снова поразился в душе, до чего же Леда на бабушку Софью похожа – такая же стройная, изящная, с аристократическим профилем, с густыми темными бровями, что на Руси издавна «соболиными» назывались. И живая, пытливая душа.

А вот сыновья у Михайлова оба в мать пошли, в «Таис – Таисью», что по жизни оказалась женщиной требовательной и не особенно культурной. Дома вечно творческий бардак, пахнет убежавшим кофе, а благоверная лежит на диване в шелковом кимоно и читает Джойса в целях культурного развития. Правда, о прочитанном говорить не хочет.

Или просто спит среди бела дня, особенно раздражая Михайлова тем, что с возрастом начала некрасиво похрапывать, вульгарно оттопыривая нижнюю губу. Днем спит, ночью читает книги или смотрит сериалы по ТВ, ни дня в жизни не работала, занималась детьми. А в итоге дети сами по себе, у одного футбол, у другого хоккей, все пристроены по секциям, самостоятельны вполне, но к родителям равнодушны.

– Мальчики, как ваши дела? – бодро спрашивал Михайлов.

– Папуль, все нормуль!

Потому и торопиться с факультета в родные пенаты Михайлову не хотелось. Дома он серая личность, а на родной кафедре «уважаемый Александр Сергеевич» и «как увлекательно вы рассказываете, вечно бы слушала!»

Дома – раковина с грязной посудой и недовольная супруга, а на работе – юные, восторженные студенточки с влюбленным глазами, белые маникюренные пальчики, длинные черные реснички, румянец во всю щеку.

От интересных дум отвлек тихий голос Леды:

– Ты мне дашь «Сказки» телефон или сам позвонишь? Может, пора резюме отправить?

– А-а? Да-да... Я сам... Слушай еще новость, летом едем в Штаты на конференцию.

От нас будет большая презентация по коренным народам Севера. Подарок тебе привезу, что желаешь?

Леда аж в ладоши захлопала, а потом сделала серьезное лицо и зачем-то пробасила:

– А добудь-ка ты мне, батюшка, цветочек аленький, ибо нет мне без него счастья девичьего.

– Выдумщица! Хочешь, чтобы меня чудище пленило?

– Не бойся, батюшка, я грозное чудище поцелую и будет для меня принц.

– Принц... Ну, конечно. Ты же все одна у меня. Горе луковое.

– Суженого-ряженого жду, а его нет и нет, хоть бы Змей какой меня украл да тем самым сделал рекламу, там, глядишь, и богатырь бы объявился – Змея победил и меня освободил. «А теперь душа девица, на тебе хочу жениться...»

Посмеялись оба, только не очень радостно.

– Пап, ты в дороге будь осторожней!

– Да что со мной случится... Лучше скажи, как у мамы дела?

– Все хорошо, собирается с другом летом на юг, в Гагры.

– Это правильно, – вздохнул Михайлов, подслеповато щуря глаза и доставая из кармана скомканный платочек для очков.

Через три недели с новеньким красным дипломом и прочими документами в папке Леда отправилась на собеседование в «Русскую сказку». Приняли ее без долгих расспросов, видимо, знакомство Михайлова с кем-то из сотрудников сыграло некоторую роль, да и сама кандидатка на должность секретаря произвела на директора Игоря Витальевича Шамова приятное впечатление.

Вскоре Леда начала осваиваться на своем рабочем месте и все ей поначалу нравилось: просторная светлая прихожая рядом с кабинетом начальника, современная аппаратура на столе, ровные ряды книг и альбомов, сувениры на полках, картины, цветы. Спокойная обстановка, вежливые люди, интересные идеи.

Первое время Игорь Витальевич загружал ее работой, рекомендовал быстро вникнуть в деятельность фирмы, четко следил за выполнением всех поручений, лично проверял документы, которые печатала Леда под его диктовку. И присматривался, прислушивался.

Пока полностью не осознал, что новая сотрудница – настоящее сокровище: рассудительна, исполнительна, но не раболепна, мнение свое по любому вопросу высказывает честно, душой не кривит, ни с кем из мужчин-специалистов не кокетничает, а перед высокими гостями, что порой у Шамова в кабинете появлялись, никогда не робеет.

Даже традиционный поднос с кофе и бутербродами приносила со сдержанным достоинством, вызывая у директора невольный прилив уважения. Редкая девушка!

И все при ней: ясный ум, хорошее образование, молодость и та особая, женская привлекательность, что сразу в глаза и не бросится, а уж когда разглядишь, считай, пропал, просто так не забудешь, из сердца не выгонишь.

Шамов был заинтригован и лично удостоверился, что Леду никто с работы не встречает, одежда у нее скромная, наряды меняет редко, значит, с деньгами туго и спонсора не имеет. И вообще, из офиса домой не спешит, всегда беспрекословно остается на рабочем месте, если требуется задержаться. Карьеристка, что ли? Так в этом Шамов мог бы ей помочь, только намекните.

Но Леда вежливо отказалась от рестораника с живой музыкой, а цветы, что начальник вручил ей в честь празднования дня города, не забрала домой, а так и оставила в вазе на столике в приемной. Роскошный букетище. Видно, Шамов не с той стороны зашел.

Как бы не спугнуть птичку с веточки, чтобы и коллеги чего дурного не подумали, у Шамова супруга имеется и взрослые дети. Правда, с женой давно имеют разные спальни, и за последние пару лет он не одну интрижку завел на стороне, сохраняя тайну.

Хотя Любовь Васильевна к супружеским обязанностям охладела, и, в очередной раз отказывая приткому мужу в нежностях всерьез говорила:

– Ты пойми, Игореш, я уже старая, больная, а ты еще гусар – ого-го... Я ничего этого не хочу, а если тебе сильно надо, так найди кого помоложе, только, чтобы мне не знать. Из семьи тебя никто не уведет, точно знаю, на дуру длинноногую ты меня не сменяешь, а надо погулять, так гуляй, я проверять не буду. Устала. У меня сейчас внуки на уме.

На такие честные слова Игорь Витальевич тогда очень расчувствовался, руки жене облобызал в порыве благодарности за понимание, вслух сообщил, что Любовь Васильевна – во плоти ангел, а сам про себя вздохнул с облегчением, потому как давно имел липкое рыльце в пушку.

И вот теперь появился при его кабинете еще один ангелочек: молодой и свежий. До того чистенький, что задеть страшно грязными руками. Теперь Шамов с особенной тщательностью стал за своей внешностью следить, прикупил новый дорогуший парфюм, по совету хорошенькой продавщицы способный произвести впечатление на современную девушку, поменял фасон рубашки на более модный, даже подумал было в спортивный клуб записаться – фигуру улучшить, да постеснялся бывать на тренировках рядом с молодыми подкачанными мужичками.

Пришлось ограничиться сеансами массажа, ох, и волшебные ручки были у той мастерицы... Жаль, женщина немного не в его вкусе, выглядит на все сорок пять и уже порядочно расплылась. Если бы ему массаж Леда сделала, уж он бы для нее потом расстарался.

На жалобную просьбу Шамова немного размять ему шею, затекшую от долгой сидячей работы, Леда ответила мягким, но категоричным отказом со ссылкой на полную свою некомпетентность в подобном вопросе. Так ведь чертовка еще что выдумала!

– Дорогой Игорь Виталич, вы же знаете, что в шее и на затылке много разных нервов проходит, нужен специалист, иначе сильнее заболит, а вы нам очень-очень нужны, скоро презентация у губернатора, как же без вашего присутствия? Ответственный момент, мы вполне можем выиграть правительственный грант и обустроить «Былину» почище «Диснейленда». Это моя мечта.

– Ну, раз мечта, в субботу поедешь со мной в Ингалу, познакомлю тебя с Башкирцевым, сама все у них посмотришь, санаторий почти готов к открытию. Может, еще совет какой им дашь, ты же у нас историк и сказки русские любишь. Слышал, как ты с Фаузией Рамильевой спорила по поводу того, куда делся из Сибири татарский каганат и что на татарском языке означает слово «Тюмень». Я тоже думаю, что это переводится как «сокровище», хотя и «тумен» – десять тысяч воинов, чем не сокровище для хана? А? Оба значения верны, я считаю! Так-то, ладушка моя!

– Я – Леда!

– Ох, прости, прости, и моя душа порой сказки просит. В душе я совсем еще юн! – кокетничал Шамов.

Леда тихо улыбалась, покачивая головой, к некоторым знакам внимания со стороны директора относилась беззаботно, поскольку считала это не более, чем безобидной причудой стареющего ловеласа.

Ни о какой порочной связи с начальником и помыслить было нельзя. Шамов отца ее старше, человек семейный, солидный, по телевидению выступает, – его знает вся область. Не опустится же он до наглых приставаний к скромной секретарше? Абсурд!

Кстати, из командировки в США отец привез Леде шерстяное панно на стену. Ольга ворчала, шагая из угла в угол по комнате, нервничала перед поездкой на юг:

– Лучше бы одежду подарил, там, говорят, она дешевле и хорошего качества. Девчонка молодая – одевать тебя надо, а не картинками баловать. И что это за безобразие здесь вышито? Леда, не вздумай над кроватью прицепить! Вдруг что-то негативное.

– Мама, это древний Бог ацтеков. Полу-змей, полу-птица – Кецалькоатль. И он добрый Бог света, календарь изобрел, а также, превратившись в муравья, украл зерно маиса из подземных запасов, чтобы подарить его людям. Ну-у... выглядит непривычно, конечно, но ацтекам, наверно, нравился. У меня скоро уже коллекция летающих ящеров соберется, и русских и зарубежных драконов. Мама, ты ничего не забыла, а документы где? Билет не потеряла? Николай Дмитрич сам заедет, может, сразу такси в аэропорт заказать?

– Все на месте. Проверила на сто раз. Коля скоро будет. Милая моя, как я тебя оставлю? И звонить дорого, попробуем наладить скайп, как устроимся, буду за тебя очень волноваться.

– Это все зря, я человек взрослый. У меня, кстати, тоже на выходные намечена поездка, так что связи может не быть пару дней, там лес, от города далековато. Не переживай, если сразу отвечать не смогу.

– Вещи теплые возьми, зонт, мазь от комаров...

– Мам, мы же не в тундру на месяц едем, всего один день в новом санатории, нужно набросать материал для буклетов, своими глазами хочется все увидеть. Первый дом отдыха в старославянском стиле, называется «Былина».

– С кем едешь? Надежный человек? – тревожилась Ольга, торопливо подкрашивая губы у зеркала.

– Водитель, директор, фотограф и я.

– Одни мужчины! Не теряйся, знакомься, подружись с кем-нибудь. Почему такая серьезная у меня, хочешь до старости быть одна?

Леда обняла мать, прижалась виском к ее щеке, грустно разглядывая подрагивающего, видимо, от сквозняка «дракончика» на ободке светильника.

– Сама не знаю. Мне никто здесь не нравится. Только как друзья, просто поговорить, а вот другое... Так, чтобы хотелось ближе быть, никак не могу найти.

– Где это здесь, а? Прозеваешь счастье, потом каяться будешь, ну – какого тебе надо принца? Скажи... чего ты все ждешь да думаешь, Леда, время-то идет.

– Понимаешь, мам, хочу его увидеть и чтобы сердце дрогнуло. Вот так сразу. Он! Чтобы я узнала, может, по голосу даже, по взгляду. И сразу же поняла – это мой мужчина. Навсегда! Другого не надо. Я так думала когда-то про Андрея. Потом резко прошло. И теперь даже страшно верить, а вдруг так же получится, мам, я больше ошибаться не хочу.

Леда не могла сдержать слез, и Ольга своих не скрывала. Все бы для дочери сделала, а тут как поможешь, только и осталось Богу молиться, испрашивая для родной кровинки счастья до краев полную чашу. Глядишь, и поможет.

Позвонили в домофон, настала пора прощаться. Леда проводила маму до такси, вытерла слезы и, вернувшись в квартиру, стала укладывать походный рюкзачок на субботу. Подумала немного, да и уложила в кармашек «ингальского дракона».

– Отвезу тебя в родные места, может, соскучился, повидаться хочешь. Что ж, Ингала – земля сибирских тайн, встречай нас гостями желанными, новые подарки готовь!

Знала бы Леда, какие на сей раз ей дары уготованы, может, и вовсе передумала бы в эту поездку собираться, хотя... все бы наперед знала – давно бы пешком пошла, истирать до босых ступней сапоги чугунные, стачивать посохи железные да каменные караваи грызть.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. А до сказок Леда всегда была большая охотница.

Глава 5. «Ключ, замок, язык...»

Дорога в сосновый бор на окраине Ингальской низменности заняла более трех часов, – с трассы давно свернули и по проселочной ехали медленно. Настроение у Шамова было отличное – все складывалось удачно: теплый июльский день клонился к вечеру, а в хозяйстве Башкирцева ожидала банька да шашлычок. Конечно, рыбка хорошая для старого друга припасена и водочка по высшему разряду, как водится.

И рядом в машине сидит милая девушка, смотрит по сторонам с любопытством, природой любит. «Эх, сторона моя родная! Да где ж мои семнадцать лет...»

Нет, не надо Шамову семнадцати, а хотя бы десяток-другой годков с плеч сбросить, глядишь, и Ледушка на него бы по-другому взглянула. Орел был Игорь в молодые годы, орел! Многим белым лебедушкам перышки пощипал, однако никого всерьез не обидел, никому жизнь не поломал. И эту красу не тронет, только поговорит по душам и разъяснит все выгоды близкой дружбы, а там пусть решает сама.

Мелькнул впереди деревянный расписной купол крыши. Чем не терем-теремок среди сосен притаился? Только там не мышки с лягушками, а добрый приятель Владимир Иваныч Башкирцев хозяйничает, человек широчайшей души и глубоких познаний в сфере предпринимательства. В школе недаром имел прозвище «башка» за природную смекалку и отменную память.

При всей своей деловитости был он также известен как щедрый спонсор и меценат: в Детский дом постоянно переводил деньги, лично привозил дорогие подарки, а в поселке, откуда сам родом, выстроил церквушку в память о предках – стариках, что и при коммунистах с шеи креста не снимали.

Опять же с газификацией в краю родном помог, двум одиноким бабулечкам лет под сотню каждой – совершенно бесплатно. Пушай напоследок старые косточки погреют, порадуются, земляка добрым словом вспомнят.

И еще, будучи завзятым рыболовом и охотником, любил Башкирцев лесные уголья, имел несколько гектар березняка специально под разведение косуль, а в соседнем пруду карпов выращивал. Барин, одним словом, простой русский барин.

Встречал он своего одноклассника Шамова чуть ли не хлебом солью, потому как были у них не только дружеские связи, но и общие бизнес-проекты. Вот, например, эта же «Русская сказка» – Башкирцев строит и обслуживает, Шамов привозит дорогих гостей. Нынче многократно вырос спрос на «русскую старину», потянуло, видать, народишко к дедовым корням, а достойных предложений мало.

Невольно приходится с иностранных буржуев брать пример, у них дело туризма на широкую ногу поставлено и приносит немалый доход. Главное правильно подать старину, угодить душе, жаждущей к истокам русских традиций прикоснуться вволюшку, дать хлебнуть этого самого русского духа.

Все есть под рукой: вековой сосновый бор, один воздух которого голову кружит, пьянит без вина, терема – хоромы в стиле восточных славян, росписи на стенах лубочные, кружево деревянной резьбы, прялки да сундуки, кросна да лавки, благодата-а-ать...

И баньки, конечно же, как же русским духом без баньки пропитаться, а после квасок али пивцо на местном хмелю да бабенку рядышком подреней, чтобы кровь с молоком, – ух, развернись душа, до чего нам жизнь хороша!

А на сей раз Шамов девчонку с собой привез тощую да на вид строгую, хотя глазенки блестят, а ротик сам собой приоткрылся в восторге. Ну, понятно, у Башкирцева всем нравится, никто еще из его имения недовольным не уезжал. Новехонькая «Былина» способна прежние турбазы затмить, слишком много сил и средств вложено, окупиться должна менее чем за год.

– О-о-о! Шама-ан... Какие люди! И почти без охраны, – густо-медовым басом встретил хозяин.

– Здоров, здоров! Кудри еще вьются, но усы что-то пообвисли, – ехидно парировал Шамов, горделиво поглядывая на притихшую Леду.

– Ты чего меня перед барышней позоришь? – притворно осерчал Башкирцев. – Мои года – мое богатство.

– И учтите, в этом теле сердце бьется, как часы...

– В яблочко! Так держать! Ну, что, гостюшки дорогие, небось с дороги устали? В баньку вас прямиком, под белы рученьки, вон Филин проводит. Веничком подмогнет, ежели надо, ты, Шамов, еще, надеюсь, от высоких градусов не отвык? А вы, барышня, какую закусочку предпочитаете – муксунчика или нельмочку прикажете подать, опять же икорка есть свеженькая. Можем прямо в парную доставить, все для вашего удовольствия.

Леда невольно посторонилась от столь радушного приема, и, заметив ее настороженность, Шамов грустно вздохнул про себя:

«Тургеневская барышня, ничего не попишешь, тут совсем другой подход нужен, но время- время, сколько мне осталось впереди...»

Пришлось радушие Башкирцева немного укоротить.

– Володя, ты малость потише, помощница моя приехала сюда хоромы твои оценить и придумать про них историю для буклетов. Планируем начинать большую рекламную кампанию, в августе праздник на Ямале – заявлены иностранцы, так мы их потом сюда заташим, сам бог велел в баньке потешить. Так что Леда у тебя денек погуляет, о программе будущих мероприятий подумает, а мы пока скромненько отдохнем, общие дела обсудим.

– Так о чем речь? Приятное с полезным. Одно другому не мешает. Как же вас звать-величать, красавица?

Леда с некоторым удивлением рассматривала гостеприимного хозяина «Былины» – невысок, но крепок, широк в кости, глазом остер, языком цепок, в темных волосах блестит седина, такому бы сапоги в гармошку да топор за пояс – разбойника Кудеяра в историческом фильме играть.

– Я – Леда, можно без отчества, просто Леда Михайлова. Очень приятно. А вы – Владимир Башкирцев, я много хорошего о вас слышала, вы спонсировали проект по защите памятников старого городского зодчества. Потом с вашей помощью вышел альбом с фотографиями – дымники, коньки фигурные с крыш, резные наличники домов, что были под снос. Благодаря вам многое удалось сохранить, важное дело сделали. Примите поклон от всех неравнодушных горожан.

Повисла пауза, во время которой Шамов еще раз печально вздохнул, тщетно пытаясь припомнить, не засветился ли он сам в каком благородном деле. Обскакал его приятель, как бы сам теперь на Ледушку не позарился, ишь, примолк, только глазищами моргает заинтересованно.

А дело в том, что Башкирцев чуть не до слез вдруг растрогался от теплых искренних слов незнакомой симпатичной девицы. Потом будто очнулся, рука об руку хлопнул в сердцах.

– А? Слыхал, Шаман? Не зря, видать, еще небо коптим? Помнят заслуги, ценит молодежь. Нужны, стало быть, народу олигархи. И от нас польза имеется, не все под себя гребем. Ох, тронула душу, красавица. Полцарства проси!

Леда засмеялась, а вслед ей уже совсем иначе, по-доброму, заулыбался и хозяин. Потом сам проводил ее до парадного входа в главный корпус «Былины», устроил экскурсию по санаторию, поддерживая гостью под локоток к вящему неудовольствию Шамова.

Тот плелся позади, сетуя про себя на несвоевременную ломоту в ногах, а чуть опосля и вовсе отстал, согласившись навеститься в местную парилку.

Остаток дня показался Леде познавательным и насыщенным на всякого рода информацию для ума и души. Даже после беглого осмотра санатория и прилегающей территории стал ясен размах задумки Башкирцева.

Мини-парк с персонажами русских сказок: русалка на ветвях дуба, избушка бабы-яги с филином на «коньке», домовята из-под печи глядят, леший щурится, кикиморы пляшут... кого тут только не было! И богатыри былинные, в камне, правда, зорко стерегут покой хозяина и его друзей.

Только Змей-Горыныч категорически не понравился.

– Он у вас мультяшный получился и совсем не грозный. Дети, конечно, в восторге будут, и насчет горки вы отлично придумали, такое развлечение – прокатиться с головы до хвоста по змеиной хребтине. Но слишком уж он у вас добрый... Горыныч!

Башкирцев посмеивался в жесткие седоватые усы, с хитрым прищуром поглядывая на разговорившуюся спутницу.

– Да где ж ты раньше-то была, советчица моя! Добрый... А ты, что ли, пугаться любишь?

– Я же не про себя! – объясняла Леда. – А туристы, особенно иностранцы, наверняка захотят что-то таинственное, загадочное. Нужна мистическая история. У вас же Ингала под боком, вы на курганы людей возить собираетесь? Найдите хорошего гида.

– А вот я тебя и нашел! Про Шамова можешь сразу забыть. Никуда не отпущу!

– Владимир Иванович! Ведите себя прилично!

– Я тебе одно скажу – замечательная ты девушка, но уж больно правильная и принципиальная. И вроде есть в тебе озорной огонек, да ты его прячешь, холоду напускаешь. Зачем? Я не про нас-стариков, нам уже твоим огоньком греться поздно, я ж о тебе забочусь, вижу насквозь. Серьезная ты очень, строгая, гордая. Тяжело тебе такой будет в жизни. Мало кто сейчас это ценит. Проще будь! А здесь никого не бойся, никто не обидит, любому за тебя башку сверну, у меня нрав, знаешь, какой?

– Догадываюсь! Как у помещика Троекурова. «Дубровского» помните? Там один барин на приятелей своих спускал медведя, чтобы проверить силу духа. Вам бы, Владимир Иванович, на пару сотен лет раньше родиться, попали бы в струю...

Башкирцев подумал немножко и даже приосанился, «польсти-и-ла девчонка», потом вдруг приобнял Леду за талию и совсем близко склонился.

– А с чего ты, милая, решила, что я сейчас скучно живу? У меня и в наши дни свой зверинец имеется, пойдем, вместе проверим.

Леда отстранилась, но Башкирцев уверенно положил ей на плечо руку и повел в сторону дальних построек, откуда давно доносился хриплый собачий лай.

– Все как полагается – овчарня у меня своя. Здесь лосенок молодой, нога сломана была, еле вставать начал, ничего – к зиме оклемается. Тут цесарки... О-о! Михайло Потапыч! Смотри, кого тебе привел, девица-красавица в гости пожаловала, одарила вниманием, так сказать.

Леда со смешанными чувствами наблюдала за медвежонком, копошившемся в просторной чистой клетке.

– Откуда он у вас? Жалко за решеткой держать.

– У местных браконьеров купил, так бы забили насмерть, продали по частям. Как матушку его, спаси бог ее звериную душу.

– Вот же изверги! Вы, наверно, тоже охотник?

– Сейчас меньше балуюсь, и зверье пуганое стало, ездить надо далеко, а тут дел по горло, чуть что не уследишь и все шестеренки встанут. Везде, Ледушка, нужен зоркий хозяйский глаз и крепкий мужской кулак. Ну, и без ласки никак, опять же в общении с вашим полом.

Башкирцев притянул ее ближе к себе и лукаво подмигнул, а Леда с досадой отвернулась.

– Поздно уже! И так много успели, я хочу перед сном еще поработать, набросать черновик.

– Солнышко мое, какая сейчас работа?! Гуляй, воздухом дыши, ну, вдохни-ка поглубже... чувствуешь натуру? Аж крылья растут! Каково?

– Да, тут у вас очень красиво, словно мир другой. Настоящая старина русская, вот людей бы еще таких, чтобы понимали, ценили, берегли. А не то, чтобы приехать в бане помыться да водки напиться на выходных.

Башкирцев ладонь с плеча Леды убрал и теперь смотрел серьезно, даже с каким-то особым интересом:

– Осуждаешь меня?

– Судить права не имею, а только хочу, чтобы иностранные гости отсюда уезжали с доброй памятью о Сибири. С уважением о наших людях потом рассказывали.

– Так и я того же хочу. Слушай, оставайся-ка ты со мной. Мне такой понимающий человек очень нужен. С Шамовым я договорюсь, уступит, никуда не денется.

– Владимир Иванович, мы же не на базаре! – возмущенно воскликнула Леда.

– Понял, понял! Устала, завтра обсудим на свежую голову. Предложение сделаю, от которого отказываются только полные дуры, а ты, надеюсь, не из таких. Про Шамова забудь, он по сравнению со мной сошка мелкая, спорить не станет. А мы тут с тобой развернемся, дел наворотим. Ладно, на сегодня для тебя слишком много впечатлений, отдыхай. Вон, Алёна идет, проводит до твоего домика, там уж все готово для постояльцев. До завтра, солнышко лесное!

Насвистывая старенькую мелодию, вполне довольный собой, Башкирцев отправился проводить приятеля, не помер ли там Шаман часом от перегрева. А Леда растерянно смотрела вслед хозяину, прижав ладошку к щеке, которая еще горела от прикосновения жестких усов.

«Угораздило же меня согласиться на эту поездку! Странные люди, думают, если денег – куча, так все сразу позволено. Могла бы, – тотчас вернулась в город, а теперь придется еще и завтра тут красотами любоваться. Все как-то напыщенно, гламурно, неправдоподобно... А самое главное и растеряли, – то, что не деньгами меряется, не кубометрами построек. Души в этой „Былине“ нет, один коммерческий душок. И даже писать ничего не хочется».

Но Леда покорно шла вслед за улыбчивой служащей в униформе а-ля русский сарафанчик, правда, наряд сей был длиной лишь до колен. Большеглазая, светлокосая девица, представившись Аленой, проводила к маленькому бревенчатому домику, сообщила, что вскоре принесет ужин, и после церемонного поклона удалилась.

Леда осталась в комнате одна и первым делом плюхнулась на кровать, раскинув в стороны руки.

– Вымоталась до края. А ведь здесь можно было бы хорошо отдохнуть, от городских будней отвлечься. Смолой пахнет, что за день нагрелась на солнце, птицы поют, ящерки по деревянным скульптурам бегают.

Может, этот Башкирцев – «Кудеяр» в чем-то прав, мне в самом деле надо быть проще, смеяться его пошловатым шуточкам, поддакивать, глазками хлопать, руку не сбрасывать с плеча. Нет, не смогу, неприятно. И взгляд у него бывает насмешливый, всезнающий, самодовольный. Шамов тоже хорош! Не хочу! Не умею так...

Чтобы немного успокоиться, начала разбирать свои вещи из рюкзака: вынула маленький ноутбук, подключила к сети, достала туалетные принадлежности. А тут и «Алёнушка» заглянула, принесла в плетеном лукошке глиняной горшочек под крышечкой из теста, разложила на салфетке аппетитные бутерброды.

– Владимир Иваныч вас в баньку приглашает. Не желаете с дорожки помыться?

– Н-нет, спасибо! Может быть, позже...

– Это уж вы как хотите. Хозяин сейчас с вашим начальником отмечают встречу на террасе, самоварчик давно готов. О вас, кажется, речь ведут. Сильно хвалят.

Леде вдруг почудилась лукавая усмешка в последних словах. Начала подробней расспрашивать:

– Фотограф наш с ними... А водитель?

– Да все ваши уже сыты и помыты, Филин их на ночлег повел, – снисходительно отвечала Алена.

– Кто это – Филин?

– Сторож, охранник... из местных он, у Владимира Иваныча второй год служит. Филин – это фамилия или прозвище у него, сама не знаю. Странный дяденька, неразговорчивый и всегда хмурый. Ну, пойду я. Доброй ночи вам на новом месте. Может, и суженый приснится, если повезет.

Леда грустно вздохнула.

– Недоработан у вас сервис. В «Былине» и сны должны быть волшебные. И в обязательном порядке для всех гостей.

– Сами и подскажите Владимиру Иванычу такую идею. Он человек дотошный, захочет, и до снов доберется. Особенно, до девичьих. Это он запросто.

Снова приклеенная улыбка, гибкий поклон, и нет Аленушки – выпорхнула из избы. Вот и ладно. Больше сегодня ни с кем не хотелось общаться. Уже ночь к окнам подбиралась, а свет в комнате нет желания зажигать. Леда лежала на постели в одежде, вертела в пальцах своего «дракончика».

– Вот и попал ты в родную вотчину, может, завтра прогуляемся до поля, если будет время. Повидаешь своих.

Кого именно «своих» не договорила, а так и задремала, зажав в ладони амулет. Не видела Леда, как желтоватыми огоньками вспыхнули камешки в глазницах, как золотые искры пробежали по красноватому металлу от пасти до кончика заостренного хвоста. Долго ли, коротко сон ее длился, но только очнулась она от противного скрежета по стеклу.

Приподнялась с постели и сначала даже не поняла, где оказалось, а когда вспомнила, на оконце уставилась, а там глазела на нее с улицы мохнатая звериная морда. Леда ойкнула и кинулась к выключателю, зажгла на стене светильник.

– Ух, дела... Какой тут суженый-ряженный! Привидится же такое чудище, почти испугалась.

Снова ложиться уже не хотелось. «А, может, это был человек? Тот же Филин заглядывал, ходят тут всякие...» Повинуясь неведомому порыву, она надела на шею свой амулетик с дракончиком с Ингалы. А после сами собой вспомнились слова старого деревенского заговора, что записала Леда у одной бабушки в селе, откуда мама родом была:

«Ты здесь местный, вот и защищай меня от всякого зла, волшебства, чародейства, от огня палящего, от леса заблудящего, от стрелы летящей, от воды кипящей, от ближних и дальних соседей, от дурного глаза, от худого дела. Да не сможет мне никто причинить вреда. Крепко слово мое, крепко сказанное. Ключ, замок, язык!»

Спокойнее стало, даже веселее, а сон – тот и вовсе пропал. Леда натянула кроссовки и вышла на крыльцо. Высоко стояла полная луна, руки сами потянулись вверх, словно к макушкам огромных елей, ершисто черневших на темно-лиловом полотнище неба.

– Матушка светлоокая! Прими мой привет, да только услышишь ли... Больно далека.

Странное кряхтенье и сопение донеслось из-за угла дома. Леда осторожно спустилась с крылечка и, обойдя завалинку, чуть не наткнулась на темный шевелящийся куль. Ладно, еще на весь лес не завизжала с испугу, а ведь имела на то полное девчоночье право.

– Мишка, ты что же, из клетки удрал? Бедняга, на волю хочешь. Посиди-ка в четырех стенах день-деньской. А если опять охотники поймают? Да, стой ты, глупышка! Ты мне в окно стучал? В гости просился?

Медвежонок заковылял к лесу, и Леда побежала за ним. Ноги будто сами повели. Только вскоре зверь пропал между белесыми в сумраке сосновыми стволами, а Леда с удивлением обнаружила, что оказалась одна посреди леса.

Чудное дело! Кажется, всего несколько шагов и сделала с территории базы, а позади деревья и впереди деревья. Куда же дальше идти?

Хорошо еще луна светит и не в кромешной тьме дорогу искать придется. Тихо-то как... Может, покликать кого, «Былина» ведь совсем рядом, сразу услышат и выведут к домику. Но ведь стыдно кричать, Леда трусихой никогда не была, сама справится и путь обратно найдет. Вот-вот, еще пара шажочков в эту сторону, или лучше в ту...

Меж соснами мелькнула тень, кажется, большая птица пролетела, скрылась в ветвях. А у Леды сердечко екнуло, метнулась она назад, да словно ноги в землю вросли от негромкого возгласа совсем рядом:

– Ты, милая, никак заплутала? Не бойся, я тебе верный путь укажу. Без обмана.

Из-за ствола высокой раскидистой сосны, опираясь на суковатый посох, вышел человек. Лица его Леда не могла разглядеть, но сразу успокоилась.

– Ой, спасибо большое! А вы медвежонка здесь не встречали, он из «Былины» сбежал?

Человек усмехнулся. Он не собирался подходить ближе. Да и Леда стояла на прежнем месте ожидая ответа.

– За косолапого не переживай, пригляжу за ним. И тебе давно к своим пора. Заждалась, небось, измаялась вся. Ничего, скоро дома окажешься. Вон огонек видишь, среди деревьев мелькает, иди прямо на него, не ошибешься.

– Подождите, какой огонек? Очень далеко светит. Не может быть! Домики всего в двух шагах, я не могла уйти за километр от «Былины», вы что-то путаете. Мне на турбазу надо, а не в местную деревню! И сами вы кто такой? Вы здесь работаете?

– Живу я здесь, девица. И жил еще до того, как в этом лесу первый топор застучал. Такая уж у меня доля.

Леда невольно поежилась, словно легкий ночной ветерок пробежал по кронам, а потом над полянкой вновь пролетела крупная птица. Сова или филин. Только они по ночам охотятся, бесшумно проверяя свои владенья.

И более никого рядом не было, – исчез чудной человек, как стигнул. Леда всерьез настожила.

– Эй, где вы там? Что за шутки! Я в прятки с вами играть не собираюсь! Мне, правда, помощь нужна, а вы... вы!

Недолго поразмыслив, она двинулась в сторону слабо мерцающего вдали маячка. Не стоять же всю ночь посреди леса. По пути несколько раз крикнула изо всех сил, но никто не ответил, и это тоже было очень странно. Жутко даже. Будто поблизости не находилось никакого жилища, только дремучий лес и его суровые обитатели.

Леда шла долго, потому что двигалась медленно и осторожно. То кочка на пути, то валежник, ладно еще сосны высокие кругом, а не березняк, там бы одних веточек на пути встретилось, успевай только отводи с лица.

– Повезло, что такая лунная ночь. Иначе, совсем бы ничего не видела в двух шагах перед собой. Спасибо, Луна-матушка, что ясно светишь, куда бы я без тебя!

Подшучивая вслух сама над собой для пущей бодрости, с присказками для поднятия духа выбралась Леда из леса и до того растерялась, оказавшись на краю поля, что и слов сразу не нашла.

– Это что такое? Я думала к Башкирцеву иду, а тут – равнина. Точно леший мороку напустил, вот и не верь после этого в сказки. Ну, теперь уж надо идти до конца!

Она устало побрела по глинистой неровной почве в сторону одинокого огонька и, пройдя часть пути, вдруг обнаружила, что позади догорающего костра высится черная насыпь.

– Курган! Ничего себе! Вот куда меня, оказывается, занесло. В самое сердце Ингалы. Ну, встречайте гостью, раз добралась...

Леда неуверенно шагнула вперед и остановилась. Холодок страха пробежал по спине, еще недавно спокойненько на крыльце стояла, собиралась укладываться на ночлег да суженого загадывать, а теперь бредет по мрачной долине неведомо куда. А вдруг тут кто недобрый обитает, и не обязательно человек.

В памяти Леды ожили довольно страшные истории про ночевки на кладбище, про духов болотных и стражей гробниц.

– Так ведь я с миром пришла, никому зла не желаю. Злата-серебра мне вашего не надобно. Э-гэй! Есть тут кто живо-ой... Домой бы мне попасть поскорее.

Стоя у едва тлеющего костра, Леда огляделась по сторонам. Снова покликнула людей, никто не отозвался. Только траву у подножия кургана ветерок взъерошил, волосы растрепал, оттого и принялась она сама с собой вслух говорить, все не так страшно:

– Вот уже и огонь погас. Будто только меня и дожидался. И веток нет, чтобы еще подбросить. Кто же его разжег на поле? И куда делся сам? Может, с вечера мальчишки играли, может, деревенька неподалеку... Ну, что, делать, посижу здесь до утра, все равно дороги не знаю, как бы сильнее не заблудиться. Утром меня непременно найдут.

Садиться на холодную землю не хотелось, а рядом ничего похожего на бревнышко или кучу хвороста. Леда протянула руки к мерцающим уголькам. На сердце затаилась тревога. Предчувствие нехорошее.

И вдруг откуда-то из-за кургана послышался четкий звук колокольчика, позвякивание металла и тяжелые шаги. Вскоре к кострищу приблизился человек, – он вѣл за собой хромающую лошадь, на узде которой бренчали металлические украшения. Нежданный гость не обратил внимания на одинокую девичью фигурку. Он медленно выронил из руки поводья, отпустил коня и тот уныло побрел в сумрак прочь.

Сам же гость склонился к тлеющим в золе углям и тоже протянул к ним широкие ладони. И с чего бы ему мерзнуть? На голове островерхая меховая шапка, даже пушистый хвост на плечо свесился. Кто ж такие носит посреди лета...

– Вы из деревни? – тихо спросила Леда, присаживаясь на колени перед кострищем напротив странного гостя.

Тот резко поднял к ней лицо, и немного присмотревшись, в лунном свете можно было разглядеть его черты – черные провалы глазниц и череп, обтянутый кожей, щель вместо рта, а из нее облачко дыма вылетело и раздался глухой, рокочущий голос:

– Отдай, что на шее носишь. Не твое!

Дикий ужас на мгновение лишил разума и телесных сил. Леда упала на бок и попыталась отползти подальше от неведомого существа. Непослушными руками стянула через голову шнурок с дракончиком и бросила свой амулетик в сторону жуткого создания. Да не рассчитала, упал оберег прямо на угли, и в том самом месте тотчас вспыхнуло пламя.

– Якши! Ай, якши!

Леда не могла больше смотреть, как по ту сторону огня корчится в приступе хохота подобие человека в лохмотьях. Поднявшись кое-как с колен, она побежала вперед и вскоре наткнулась на земляную насыпь. Без единой мысли в голове, из чувства самосохранения она принялась карабкаться вверх, обдирая до крови пальцы, ломая ногти.

«Мамочка! Mamочка! Что за кошмар здесь творится... Боже мой, что делать... Спаси, сохрани, от огня палящего, леса заблудящего, от стрелы летящей... Ключ, замок, язык... Помогите...»

Казалось, еще немного и ухватится за ее ногу костистая длань скелета, а потому Леда спешила подняться выше и выше, почти не замечая, как мягчает под ней земля, становится

рыхлой, пуховой. Еще одно движение вперед – и Леда с криком провалилась в разверзшиеся недра кургана.

«Съедят, точно съедят – и даже не знаю кто...»

Глава 6. Сват Наум

*Ах, иначе в былые года
Колдовала земля с небесами,
Дива дивные зрелись тогда,
Чуда чудные деялись сами...*

Н. Гумилев

Леда открыла глаза и попробовала вдохнуть глубже, пытаясь прийти в себя. День на дворе. Светло и тепло. Никакого подземелья нет в помине. Она села, опираясь на руки, потом пошевелила ногами. Все в порядке, тело слушается, хотя одежда мягкая, грязная, волосы растрепаны.

Главное, сама цела-невредима. И тут же мысли недобрые в голову заползли. Наверняка, это была шутка и все подстроено заранее. Сама же Башкирцеву сказала, что дракон не страшный, вот и устроили ей представление по всем канонам добротного триллера.

Медвежонка выпустили, а сова, конечно, тоже ручная. И тот дяденька у костра, вероятно, был в маске. Вот только откуда он знал про её амулет... Единственная загадка, пожалуй. Но Леда не против и этот секрет разгадать.

Сейчас она встанет, вернется в «Былину» и выскажет Владимиру Иванычу все, что думает по поводу своих ночных приключений. Идея интересная, никто не спорит, но лучше заранее предупреждать о нежити из тумана. Кто-то и описаться мог от страха, вышел бы конфуз, также есть люди с больным сердцем. Странная шутка у Башкирцева получилась, злой розыгрыш.

Леда отряхнула с одежды комочки и с удивлением огляделась. Ни равнины с курганами, ни сосен величавых – стояла она на поляне посреди березняка. А еще ёлочки молоденькие в сторонке красовались и пара трепетных осинок.

«Странно, неужели меня куда-то перенесли и нарочно бросили одну. Да что ж за люди такие – глупые эксперименты проводят, как девчонка городская собирается выживать в лесу и ориентироваться на местности. Камеры, наверно, по кустам понатыканы. Ждут от меня истерику и вопли. Не дождутся!»

Леда решительно зашагала в сторону просвета между деревьями, полностью уверенная, что ее снимает невидимая среди листвы современная аппаратура. Вскоре она наткнулась на неглубокий ложок и заросли дикой малины, немного подкрепилась кисловатыми мелкими ягодами и крепко задумалась.

Ни тропинки, ни следов присутствия человека. Старые березы с корявыми, наклонившимися к земле стволами, цветочное разнотравье, звонкие птичьи голоса в широких кронах, вон бурундучок промелькнул меж веток, взобрался на недосыгаемую высоту, смотрит на Леду с любопытством.

Запахи свежие, теплые. Воздух чистейший, словно настоящий на меду и землянике. Только мысли в голову лезут тревожные. Когда организаторы шоу выведут к домам?

По старой привычке Леда начала рассуждать вслух:

– Только без паники. Бросить меня одну не имеют права, все равно к людям вернусь. Буду относиться к нелепой ситуации, словно к игре. Этаким сказочный квест по русскому лесу. Знать бы еще правила... Чего от меня хотят? Не буду пугаться и визжать на всю округу. И вчера не надо было мне лезть на гору, а посмеялась бы вместе со «скелетом», глядишь, шапку бы с маской снял. Некрасиво получилось, так я же не знала, что это шутки... А если нет? Даже представить страшно!

Она посидела еще немного на теплом плече овражка и двинулась дальше. Мысли в разбег, на глаза уже слезы наворачивались, хотелось пить и закусить чем – то посерьезней бусинок костяники, щедро разбросанных вокруг. И когда Леда заметила вдали округлую серую крышу, радости не было предела.

– Ну, братцы, вы и горазды народ пугать! Так Башкирцеву и сознаюсь, мол вчера ночью чуть сердце из груди не выскочило при виде персонажа с хромою лошадкой. Ничего не скажешь, колоритного «призрака» подобрали! Только где теперь мой дракончик? Обязаны вернуть!

Леда чуть не бегом пустилась к небольшому строению с ослепительно белыми стенами.

– Славный домишко! Не поймешь, деревянный или каменный, стены будто побелены известкой, окошечки махонькие под самым потолком. Если двери заперты и не попадешь внутрь.

По счастью, она легко отворила низковатую дверь и, согнувшись, проникла внутрь.

– Здравствуйте, люди добрые! Ау-у! Есть тут кт-о-о?

Леда с интересом разглядывала скромное убранство помещения. Всего одна большая светлая комната, печь русская почти четверть пространства занимает, ухваты и чугуны рядышком, огромный горшок на шестке стоит, вдоль стен лавки приспособлены, широченный деревянный стол. А в красном углу под вышитым полотенцем висит толстая витая веревка и нож-тесак.

– Интере-есное дизайнерское решение. Здесь бы лампадка смотрелась уместней, раз кому-то иконы не нравятся. Если даже в языческом стиле хотели сделать жилище, то хотя бы статуэтку идола сообразили, нож-то зачем, да еще такой огромный... Бр-р!

Уже с некоторой опаской Леда внимательно осмотрела странную избу.

«Точно комната страха для впечатлительных туристов!»

Между слюдяными окошечками на стенах были развешены черепа оленей с ветвистыми рогами и чучело – голова кабанья с оскаленной в предсмертной ярости мордой.

– Да уж! Здесь гостей не ждут и питательным завтраком меня не накормят... печально...

И тут Леда вздрогнула и едва не бросилась к дверям от звуков мягкого мужского баритона.

– Накормил бы я тебя, красавица с радостью превеликой, – да не все здесь в моей власти. А вот попробуй-ка, назови меня по имени да изложи свою просьбу, авось повезет.

– Вы где? Что-то я вас не вижу.

«Выйти из сумрака!»

Она прижала руки к груди и со страхом озиралась вокруг, не в силах понять, откуда доносится голос. А неведомый человек весело рассмеялся:

– Уж сколько лет я живу, а все равно людское удивление забавно! Здесь я, девица, рядышком с тобой нахожусь, да меня не увидишь – и не старайся.

– Снова игра? Вы от Владимира Иваныча? – задыхаясь от волнения, спросила Леда.

Голос отвечал с грустной иронией:

– Не знаю, о ком ты баешь. А играть люблю сызмальства, только раз боком мне игрища вышли, за то и наказан крепко.

– А как вас зовут?

– Угадай!

Снова задорный смешок теперь уже гораздо ближе, чуть не в самое ухо, Леда отшатнулась в испуге и возмущенно пробормотала:

– Шуточки свои бросьте! Тут, наверно, и нет никого, а ваш разговор записан для гостей, чтобы испугать и удивить. Признаюсь, я под сильным впечатлением, примите мои горячие аплодисменты. Или вы где-то тут прячетесь с микрофоном, тогда можно выходить, конец игре. Я устала и проголодалась, а еще надо умыться после ночной физзарядки. Не подскажите, как

мне выбраться из леса и вернуться домой? Кажется, я эти выходные на всю жизнь запомню. При вашем содействии.

В ответ раздался печальный вздох.

– Прости, красавица, но пока меня по имени не назовешь, ничем тебе помочь не смогу. Хотя жаль мне тебя, жаль до горячих слез, а что же поделать... И всплакнуть толком не получится за твою загубленную душу.

– Почему же сразу загубленную? Вы о чём? – вскрикнула Леда.

– Да о том, что напрасно ты сюда заглянула, милая, доля тебя ждет не завидная. Хозяин скоро вернется, а тут ты вместо подарка – цветочек луговой, ягодка спелая.

После таких слов Леда кинулась к двери, со злостью начала дергать кольцо, пытаюсь выбраться наружу.

– Это уже все границы переходит! Я требую, чтобы меня выпустили. Слышите! Немедленно откройте дверь, я Башкирцеву пожалуюсь, если он в этом деле замешан, жалобу напишу в Департамент по культуре или куда-нибудь выше. Я в полицию буду обращаться! Вы издеваетесь над людьми, я на это шоу согласия не давала. Не позволю на мне ставить подобные эксперименты. Кто бы вы ни были, слышите?

Размазывая по лицу слезы, Леда всем телом яростно билась в двери, но они не поддавались, а рядом кто-то шмыгал невидимым носом, выражая неподдельное сочувствие.

– Сколько лет живу, а все вас людишек слабеньких жалко!

– Так помогите мне! – взмолилась Леда, опустившись на лавку, нервы начали сдавать.

– Имя мое скажи, – вкрадчиво прозвучало над ухом. – Да то затея пустая, никто не угадывал прежде...

– Так... имя- имя... надо сказать ваше имя...

Собравшись с духом, Леда уняла дрожь в ногах, попробовала собраться с мыслями и в который раз обежала взглядом белые стены.

– Раз хозяина ждете, стало быть, сами вы тут – слуга?

– Да, что-то вроде того, – угрюмо отвечивал голос.

– И вы у нас – невидимка? Верно?

– Не углядеть, не потрогать... хи-хих!

– Ага! Есть такой знакомый персонаж в одной старой сказке.

Леда даже приободрилась немного, что же, если это испытание, она попробует с ним справиться.

– Ну, тогда, может быть... Сват Наум. Ага, точно! Сват Наум, накорми меня!

Леда ожидала чего угодно: того, что откроется стена в тайную комнату или вылезет из подполья специальный сотрудник «Былины», пусть даже в костюме лешего или домового. Проще говоря, кто-то сейчас к ней выйдет и радостно объявит, что она – молодец, сказки знает и награждается призом за смекалку и храбрость.

И Леда даже простит начальнику свои страхи, жаловаться не будет, только бы поскорее отвезли в город. Но все получилось совершенно иначе. На столе сама собой расстелилась скатерть и на ней прямо из воздуха стали появляться блюда и чаши с дымящимся варевом, розовыми пластами мяса и рыбы.

Леда словно к лавке прилипла, сидела с разинутым ртом и никак не могла понять, с ума она сошла или это аппетитная иллюзия перед глазами, а может, гипноз.

Между тем задорный мужской голос добродушно гудел под потолком:

– Уф! Вот же радость-то за весь мой последний век. Чего сидишь, глазами хлопаешь, беги скорей, красавица, к столу – потчевать тебя буду, от всей души, что во мне осталась.

Леда и сама не поняла, как оказалась на противоположной лавке прямо у стола, не иначе ветром перенесло ее ближе к яствам. А чего тут только не было: вареного-то и печеного, калачи да булки, медок ароматнейший, масла коровьего целый круг, сальцо полупрозрачными лом-

тиками порезано, творожок во взбитой сметанке тонет, рыбка малосольная соком истекает, ушица янтарной плѣночкой подернулась, из жирной семушки, небось, сварена.

А блинчики пухлые, ноздреватые, сейчас лишь со сковороды – сами в рот просятся, только нагребай красную икру в ложку с горкой, трубочкой блин сворачивай, сверху маслицем топленым поливай, все рядышком, все под рукой. Запотевшие кувшины с напитками так и манят жажду утолить.

Эх, пир горой, налетай, не стой!

Глазам не веря, Леда потянулась за пирожками, грудой наваленными на ближайшее блюдо.

– Ммм... с груздями! Прелесть какая, сто лет не ела таких! Спасибо огромное. А вы сами? Может, пообедаете со мной? Мне одной как-то неловко, может, уже покажетесь, расскажете, как это у вас получилось? Фокус, да? Ммм, очень вкусно, даже если это гипноз, все равно, спасибо большое!

Мужской голос снова по-доброму рассмеялся, но теперь в нем слышались несколько смущенные нотки.

– Давно никто меня за стол с собой не сажал, благодарствую за приглашение, только я сыт уже, почитай как ровнешенько триста лет. Да ты обо мне не заботься, кушай, славная, скоро хозяин вернется, надо бы тебя спрятать.

– Такой грозный хозяин у вас? – Леда налила из кувшинчика жидкости рубинового цвета, на вкус как морс клюквенный или брусничный, замечательно освежает.

– Лучше тебе с ним не видаться... А вот и он, легок на помине Бородатый пень. Полезай-ка, девка, на печь да овчиной получше укройся. И не вздумай голос подать, что бы сама тут не услышала.

Повинуясь приказу, Леда выпрыгнула из-за стола и по высокой скамеечке шустро взобралась на печь. Там сразу же пахло на нее спѣрым духом свалявшейся шерсти и сухой кожи, богато были навалены выделанные шкуры животных, аж в носу свербил от звериного запаха.

Преодолевая некоторое отвращение, Леда забилась в самый дальний угол и как заслон выставила перед собой растянутое на деревянной раме чучелко зайца.

«Браконьер, как пить дать, браконьер тут обитает! Злой, наверно, проверок из города боится, вот и гостей не любит».

Заслышав скрип открывающейся двери, Леда затаила дыхание, только сердце вдруг застучало, как бешеное, и всякая ерунда в голову полезла.

«А если они маньяки? И не только зверюшками промышляют...»

Она сжалась в комочек, со страхом прислушиваясь к тому, что творилось в избе, а чужой противный голос приказывал:

– Э-эй, Сват Наум, собери на стол да попроворней!

Тон недовольный и голос скрипучий, словно бы стариковский, надтреснутый. Тотчас зашелестела по столу тяжелая льняная скатерть, забрякали чашки-ложки, а потом раздалось громкое чавканье и ворчание, словно старый хряк добрался до кормушки.

– Р-р... хах... ум-м-м, мало... мало, еще давай! Скорее тащи – жутко голоден я!

А вот Сват Наум, прежде ласково беседовавший с Ледой, сейчас почему-то молчал, но, судя по довольному сопению за столом, беспрекословно выполнял все пожелания неведомого Хозяина.

Тот вдруг начал громогласно фыркать и чихать на всю избу, следом раздался грохот бьющейся об пол посуды.

– Человечком воняет! Нешто кто ко мне заходил, а? Чего притих, сватушка? Кого здесь прячешь?

Виновато-заискивающе отвечал невидимый слуга:

– Сам-то где только не бывал, чем только не пропах! А человеку в наших краях делать нечего, причудилось, видно. Никого здесь нет.

– Добро! Наелся, убери... устал я, спать буду.

Леда дрожала в своем углу на печке ни жива ни мертва, вдруг пришло ясное осознание, что никакой это не розыгрыш, а на ее глазах происходят очень странные и пока необъяснимые события. Ко всему теперь надо быть готовой, даже к тому, что она попала в какую-то параллельную реальность.

И Башкирцев не поможет, потому как он сейчас далеко и знать о ней ничегошеньки не знает. Пропала Леда, – с глаз долой из памяти вон, мало ли что девке на ум пришло, может, закапризничала или обиделась и в город ночью сбежала из «Былины».

А старик, который сейчас храпит у стола на лавке, вероятно, очень-очень опасен, чистую правду про него Сват Наум говорил. Вот уж снова тихонько на ухо шепчет, легок на помине:

– Девица? Ты здесь еще, краса ненаглядная? Не бойсь, заснул супостат, скоро выйдем из дому, выведу тебя на тропу.

Теплые слова сразу же придали сил. Леда осторожно выбралась из – под звериных шкур и приподняла занавеску, что отгораживала закуток на печке. И тут же сморщилась, прикрывая рот ладошкой. На полу были разбросаны кости крупных животных, посуда в беспорядке валялась на столе опрокинутая, суп разлит, каша растеклась по скатерти из сваленного на бок распятого горшочка.

Развалился на лавке неприметный с виду мужичонка, росточком чуть не вдвое меньше самой Леды, прямо карлик, только ступни голые непомерно большие и руки, как деревяшки свисают до пола, заканчиваясь пудовыми кулачищами.

А борода жиденькая, но длинная, белесая, тянется к поясу, трижды за его петли обвиваясь. Неприятное впечатление производил человек, особенно, когда храпел, – безобразно разевал рот да носом сильные посвисты выводил.

Леду будто ветром с печи снесло и подбросило к самой двери. А не тут-то было, крепок оказался засов!

– Открыть попроси... – жаркий шепоток едва не опалил щеку.

– Сват Наум, выпусти за порог, будь другом, – еле шевеля побелевшими губами, проговорила Леда. – И вообще, зачем тебе прислуживать старому лешему, пойдем-ка лучше со мной.

– Умница моя, догадалась позвать! Я уж и отчаялся побывать на воле.

Двери широко распахнулись, и Леда оказалась у леса. А потом потащило ее дальше и дальше от дома, аж голова кругом пошла, в глазах потемнело от мелькающих перед лицом веток и листьев.

– Да что же так быстро? Или боишься, что догонит прежний хозяин?

Ответом ей был лишь довольный смешок:

– А дед трухлявый мне теперь не господин, ты же меня с собой взяла, тебе и владеть мной... до поры. Хех!

Леда выдохнула с нескрываемым облегчением:

– Вот и прекрасно! Отправь меня домой, в родной город, поскорее, пожалуйста!

– Прости, хозяйюшка, только мне не под силу такое. Напоить, накормить – это я запросто. Обидчику какому шею свернуть и бока намять, тоже с удовольствием превеликим, а вот в ненашенский мир будешь добираться сама.

– Так я даже не знаю, куда мне идти! Как ваши края называются? – расстроилась Леда.

– Дарилана – земля всеведов. Змеиные угодыя рядышком совсем, только я там еще не бывал, не доводилось. Знаю Торжок или Звенигорье.

– Чудеса в решете. Может, вы все-таки шутите? И кто вы сами, еще вопрос... «То, не знаю что», – такое даже во сне не привидится.

Леда приложила прохладные ладони к пылающим от волнения щекам.

– Торжок, Звенигорье... по словам – города русские. А что такое Змеиные уголья?

– Гнездовье здесь все знают. И братьев-князей тоже.

– Скажите одно, как мне попасть домой! Именно туда, куда я хочу.

– Хм... а коли к знающему кому сведу, отпустишь меня насовсем? – с надеждой спросил голос.

– Господи, да, конечно! – обещала Леда.

Хохот невидимого существа прозвучал как раскат грома. Кажется, он был весьма доволен ответом.

– Значит, по рукам?

– Ну, да... по рукам.

Леду толкнуло вдруг в плечо так, что она едва наземь не полетела, впрочем, тот, кто толкнул, после сам же и подхватил.

– Прости, душенька, не смог радость сдержатъ. Уж без малого триста лет я у проклятого лешака обитаю, надоел хуже горькой редьки. Пусть теперь без меня помыкается. Ух и сердит будет, как проснется, да нас ему не поймать. Кончится на реке его сила, а потому поспешить надобно.

Леду опять подхватило за талию и понесло вперед, ноги едва касались травы. Тогда она просто закрыла глаза и обняла себя руками за плечи. Будь, что будет!

– Ну, вот и Резвушка, вовремя добрались. Сейчас в лодочку сядем, только нас и видали, – прошелестело рядом.

Леда с удивлением обнаружила, что стоит на невысоком берегу, густо заросшим темно-зеленой растительностью, а чуть не в двух шагах покачивается на воде махонькая лодчонка. Ойкнуть не успела, как вновь приподняла ее неведомая сила и ловко опустила на лоскутный коврик, покрывавший дно лодки. Никаких скамеек и весел не было видно.

– А как же грести?

– Не заботься, красавица, сам управлюсь. Мигом домчимся. Только смотри в оба, скоро вода цвета крови пойдет, ручки свои белые с борта не спускай, а то мне тебя не удержать. Их супротив меня больно много, злющие гады.

– Кого это – их?

Голос хмыкнул недобро и лодка, покачнувшись, дернулась вперед, вниз по реке. Леда сидела на днище, прижав колени к груди, украдкой щипала себя за локоть. Было больно, значит, не сон, а все въяве с ней происходит. Вот же напасть, как бы здесь не пропасть.

«Что за мир такой – сказка не сказка, только Бабы – Яги и Кащей не хватает!»

А может, так вот прямо в лоб и спросить, сразу все будет понятно.

– Дядя Наум, а Кащей где живет?

– Батюшка далече теперь, давно не видались и признаться, желанья нет. Худо он со мной поступил!

Леда застонала и ничком повалилась на коврик, не зная плакать ей или же засмеяться вслух. Только причин для радости не было.

– Ну, вот, начинается... Тихо сиди, авось и не заметят, – досадливо прошептал Наум.

Не сдержав любопытства, она приподнялась и заглянула за бортик лодочки. Вода розовела на глазах, пузырилась, будто вскипая изнутри, и вскоре стала мутно-красной, загустела. Вокруг стояла зловещая тишина, и суденышко теперь двигалась гораздо медленнее. Втянув голову в плечи, Леда робко озиралась вокруг, поражаясь тому, что видит.

Лес по берегам реки тоже менялся, редел березняк, деревья стояли кривые, скукоженные, почти без листвы, кое-где словно поваленные бурей. С обломанной верхушки старой ели поднялась ворона. Прокричала гортанно и закружила над лодкой. И тотчас, повинувшись неведомому приказу, сорвалась стая воронья и с других сучьев корявых, заполонила небо, забазлали вразнобой, оглушительно захлопали крыльями.

Леда закрыла голову руками и пригнулась. Хорошо, что не смотрела дальше. Вода вокруг лодки забурлила, зацарапали по смоленому дереву когтистые руки ли лапы, не разобрать.

– А ну, кыш отседова! Не видать, топляки, вам поживы, обещал целой к бабке доставить и слово сдержу! – визгливо покрикивал Сват Наум.

Леда едва разбирала отборную ругань, на которую весьма скор был ее помощник, пытаясь отогнать жутких созданий, что толкали и качали лодку, бились в днище лбами, отчаянно желая ее перевернуть. Тихо сидела, боясь шелохнуться, вспоминала про себя все молитвы-заговоры, что еще в памяти держались. Но прошло сколько-то времени, и снова наступила тишина.

– Дядя Наум, а кто там в воде живет?

– А-а, то люди худые, что не своей смертью померли, – кого казнили, кого притопили, земля их не берет, вот и мыкаются, бедные, посреди реки. Резвушка добра, все терпит, жалко ей и пустой народ.

– А чего они хотели от нас?

– Знамо дело, кровушки твоей молоденькой испить, силы взять да на берег выбраться. Такое уж не раз бывало, ходили топляки по округе, пока местные кол им в глотку не забивали, а после не сжигали останки.

– Так, они что же – вампиры? – ахнула Леда.

«Ма-ма, куда же я попала!»

– Упыри, проще сказать... До живой плоти охочи люто, но и на них управа имеется.

– А скоро мы уже доберемся до того, кто меня отсюда отправит домой? Этот ваш знаток – он хоть человек?

Затянувшееся молчание отнюдь не вдохновило, но деваться было некуда. Однако, скоро лодка причалила к пологому берегу, и Леда выбралась на песок. А ее невидимый спутник благодушно молвил:

– Вот и славненько! Потерпи, душа моя, скоро на месте будем. Там и узнаешь путь-дорогу в свои края. Если бабке понравишься, конечно. Со старухой не спорь, гляди ласково, ступая мягонько, коготочки спрячь, словно кошечка домашняя. Любишь, небось, кошек, красавица?

– Мне, знаешь ли, не до питомцев сейчас. От ваших чудес голова кругом идет! Думаю, надо нам торопиться, только можно я сама, ножками, так сказать. Мне как-то привычней.

– Эх, ты, кулема! Лучше бы я тебя перенес через Мертвый лес, но раз прогуляться желаеть, против не буду. И зверей ты любишь, как погляжу, авось и звери тебя не тронут.

– Люблю животных, – согласилась Леда, – только смотря каких.

– Пушистых, да ласковых, тех, что до смерти забаюкать могут... – хихикнул голос.

Удивительно менялись его интонации и тембр – от степенно басовитого до мальчишеского задорного.

– Похоже, на свободу вы не торопитесь, Сват Наум! Что ни слово, то загадка.

– Да какой же я тебе-то сват, дядькой лучше зови. Ну, пойдем, кулемушка дорогая, коли не шутишь.

– Обзывать, пожалуйста, бросьте! Я сейчас очень серьезно настроена. Я до сих пор не могу поверить, что все со мной происходит на самом деле. Мне как-то не до веселья и приколов. Чужой непонятный мир, страшные обитатели.

– Э-эге, моя ж ты красота! Дед лесной да Болотная Бабка – это же разве страшно, даже топляки – тьфу, нежить тухлая. Есть и похуже твари, особливо те, что с крылами по небу летают да дышат огнем. Ладно, хоть тот, из Гнездовья, своих, говорят, не трогает, даже бережет-защищает. А ну, как останется один и совсем одичает? Где тогда искать на него управу? Округу разорит в одночасье.

– Погодите, ничего не пойму! Кто останется один? Местный дракон? Ой, ужас! У вас и такое бывает? И где он живет?

– Сказал же тебе, недалече его Гнездовье. Вот забывайка какая, память девичья, приبلуда залетная. Навязалась на мою голову, тошнехонько такой недотепе служить!

– У вас есть чудесная возможность от меня избавиться – отправьте в мой мир, наконец! – крикнула Леда.

– Избавиться от тебя мог еще на реке, нежити только того и ждали, да я-то не совсем падаль, помню твое добро. Отплачу сполна, полный короб отмерю.

Леда зажмурилась, представив на мгновение, что летит с лодки прямо в голодные разъявленные пасти речных кровососов. Уже спокойнее отвечала:

– Спасибо, вам, дядя Наум! Ведите меня к своей бабушке или куда еще планировали.

– Вот и ладненько! Там и распрощаемся подобру – поздорову.

Она старалась шагать быстро, чтобы не отстать от звонкого тенора, который, посвистывая, вел ее за собой по заболоченной луговине до леса. Да и можно ли было тот сухостой лесом назвать? Торчали из земли голые стволы деревьев, точно колья, с ободранной корой. Кучи валежника преграждали путь, а в сторону шагнешь – увязнешь в трясине.

Леда только сейчас пожалела, что вызвалась пробираться своим ходом, спутник ее невидимый мог бы, пожалуй, гораздо ловчее с маршрутом справится, она бы даже ножек не промочила. Да еще эти вороны настроение портят, ишь, расселись на каждой кочке, будто дожидаются чего. Вот уж верно сказано – Мертвый лес, да и только.

Тихо, мрачно, под ногами болотная жижа хлюпает, атмосфера гнетущая. Леда крепилась из последних сил, чтобы не взмолиться Науму о подмоге, как вдруг услышала впереди чарующее пение, переходящее в воркованье. Голос вроде не человеческий, но и птицы не так поют. Очень интересно, надо бы подобраться поближе да разведать, какой такой выискался сладкоголосый певец.

– Стой, дурища! Косу отрастила, а ума не нажила. Пропадешь ни за грош, – вскрикнул сват Наум.

– Да я же только разочек глянуть...

– Поглядишь, ужо! Только под моим присмотром, а то опосля и косточек твоих не соберу.

Жалостливый всхлип над ухом показался Леде притворным, и она рванулась вперед, на зов нежного мурлыканья. Но, не добежав несколько шагов, остановилась, как каменная, вытаращив глаза на существо, издававшее дивные звуки.

На высоком гладком столбе сидело нечто, очень похожее на крупного кота породы мейн-кун, только непомерно больше обычного. Все же это был именно кот, а не леопард или ягуар, никаких сомнений. Добродушный на вид домашний Васька – переросток. Восседал на своей деревянной жердочке, лапки мохнатые облизывал, и при этом громко урчал и мурлыкал так приятно, что издали это походило на монотонное монашеское пение.

– Красавец! – восхитилась Леда, желая подойти еще ближе, но кто-то сильно дернул ее за край футболки.

– Ты понизу-то хоть глянь, дурная! Чары разом пройдут.

Леда нехотя опустила глаза и застыла в ужасе, вся земля вокруг столба была усеяна костями, а пустые глазницы человеческих черепов явно свидетельствовали о том, кто именно был здесь в качестве блюда.

Чудовищный Кот тотчас выгнул спину дугой, выпуская кривые когти-кинжалы, с вершины столба в разные стороны полетела драная щепка.

– Ми-я-у-у... мя-у-конькая девчу-ушка пожа-ловала...

Что было дальше, Леда запомнила смутно. Перед лицом мелькнули желтые круглые глаза с острыми зрачками, да белые клыки клацнули едва ли не у самой шеи. А после что-то подняло ее к самым небесам и понесло над лесом.

– Испужалась? Знать будешь теперь, каков наш Баюн на самом-то деле! – весело вещал сват Наум.

– Твоя правда, дяденька. Спасибо, что спас.

– Ты ж хозяйюшка моя. О тебе лишь печаль да забота, и про речку я тогда лжу сказал, нипочем бы тебя упырям не скинул, так, шугнуть малость хотел, чтобы воли не брала на себя много. Ты, как я погляжу, девка шустрая, на слова скорая. Чай уж под мужиком побывала? Сразу видно, молодайка... Нехитрое дело, может, от худой славы и бежишь в чужие края.

– Да ты... ничего ты не знаешь. Я любить хотела, а не получилось. И больше никогда не полюблю.

– Порча на тебе, что ли? Брось, я бы это мигом прознал. Чиста ты духом, и сердце у тебя доброе. Только в голове шибко думок много, а девке справной много думать не требуется. Для того есть мужик, он над ней голова.

– Ага! А женщина – шея...

– А на непокорную шею бус вязанку да покрепче затянуть, чтоб рта раскрыть не могла, не срамила мужа!

– Я мужа хочу уважать, за другого и не пойду. Я, вообще, наверно, замуж не выйду, так и помру старой девой. Никто меня не полюбит по-настоящему, а фальшивки мне не надо.

– Вот, бабы-дуры! О чем плачутся... Да была бы каша навариста, а уж ложка хлебать всегда найдется.

– Ваше сравнение женщины с кашей довольно обидно, – со слезами в голосе упрекнула Леда.

– Не любо – не слушай, а врать не мешай.

– Дядя Наум, а ты кого-нибудь сам взаправду любил?

– Может, и любил, да только за тыщу лет разве всех вас упомнишь, – угрюмо пробормотал голос. – Ну, вот, кажись, и бабкина хоромина. Туда мне ходу нет, одна пойдешь на поклон. Прощай, красавица, может, еще и свидимся, коли живы будем.

Леда неловко бухнулась на колени, и с удивлением разглядывала перед собой частокол из кривых заостренных бревен. О спутнике ее разговорчивом только хохоток вдали напоминал.

Она снова осталась одна посреди незнакомого леса, рядом с чужой усадьбой. Небо заволкли сизые тучи, приближался вечер, хотя Леда давно счет времени потеряла.

Что же делать, поневоле придется стучать в ворота, проситься на ночлег. Может, и отворят.

Глава 7. Болотная бабка и ее приемыш

*Он пришел, лишь на час опережая рассвет;
Он принес на плечах печали и горчицвет.*

*Щурился на месяц, хмурился на тучи,
Противосолонь обходил деревню,
И молчали ветры на зеленых кручах,
И цепные птицы стерегли деревья...*

Хелависа

Какое-то время Леда топталась у высокого забора, не решаясь колотить в двери. Оглядывалась по сторонам и все большая тревога заползала в душу.

«Место глухое, недоброе. Сухостой да коряги валяются, пни замшелые, мухоморы и прочие поганки под ноги лезут. И ни одного птичьего голоса не слышно, будто вымерло все живое в округе. Деревья голёхоньки, без единого листочка. Хотя дальше вон, ельник зеленеет. Чашоба дремучая. Эх, дядя Наум, дядя Наум, бросил меня здесь на прямую погибель и сам трусливо удрал. А ведь я тебя вызволила от того страшенького старичка. Эх, ты, пороссячий хвостик...»

Наконец Леда несмело толкнула кулачком ворота, и они медленно, с громким скрежетом начали отворяться. Что ж, назвалась опёнкой, полезай в кузов.

Посреди двора на высоких столбиках – подпорках, так же густо укутанных бархатным мхом и седыми клочьями лишайника, стоял неказистый дом. Чем не «избушка на курьих ножках»? Леда поискала взглядом ступу с помелом, но ничего такого вблизи не обнаружилось.

«Дома ли хозяйка? Может, и мне убраться куда подальше, пока не поздно?»

И вдруг заметила, что тесовые ворота позади нее уже сами собой сомкнулись. Каким-то шестым чувством Леда догадалась, что так легко ее обратно не выпустят. Придется идти вперед, судьбу испытать.

Двор внутри ограды густо зарос папоротником, только узенькая извилистая тропка вела к избенке. По ней-то Леда и двинулась, отводя руками перистые листья кочедыжника, едва не достававшего ей до пояса.

«Избушка, ты избушечка, как же ладно стоишь предо мной и дверцы как раз видны и махонькое окошечко сбоку, даже ничего просить у тебя не надо».

Леда остановилась у ветхой на вид лесенки в пять перекладин и громко воскликнула, стараясь вложить в голос как можно больше уверенности и веселья:

– Здравствуйте, люди добрые! Принимайте гостей!

Никто не отзывался, тогда Леда подумала немного и добавила уже несколько тише и печальней:

– С миром я к вам пришла. Меня Сват Наум отправил, я его за помощь отпустила. Меня Ледой зовут, как одну древнюю царицу. К ней белый лебедь прилетал соблазнять (вздых). А это был вовсе не простой лебедь, а небесный бог – громовержец, которому красавица приглянулась. Вот такая удивительная история. Я еще много знаю таких баек. Могу и вам рассказать.

Расстроено шмыгнув носом от недостатка слушателей, она уселась на нижнюю ступеньку спиной к запертым дверям и продолжала говорить вслух сама себе, чувствуя, что скоро заплачет от странной и неловкой ситуации.

– Потом Леда родила дитя, то есть яйцо, ну, все равно ребеночек из него вышел, а папе – лебедю хоть бы что, у него таких цариц много перебивало. И зачем меня в ее честь называли, уж лучше бы я Лидой была. И так путают постоянно. Нет, Леда лучше... одна такая.

За своими грустными мыслями она едва расслышала позади себя скрип двери, но следом уже раздался хрипловатый старушечий голос:

– Чую, сказки ты мастерица сказывать, а я басенки шибко люблю, особливо про глупых девиц, что падки на тварей крылатых. Сама не из таковских будешь?

Леда отскочила от лешенки и теперь хлопала глазами на низенькую сгорбленную старушку, которая сидела в дверном проеме, отводя от морщинистого лица белесые космы.

– Здравствуйте, бабушка!

– И ты не хворай, молодушка! Зачем пожаловала ко мне?

Пропал Ледин испуг, не верилось, что это маленькое высохшее создание способно зло причинить. Низко поклонилась в знак приветствия, а сама торопливо соображала, нет ли какого специального пароля на этот вопрос.

Может, ответить, как сказочные добры молодцы?

«Сперва в баньке попарь, накорми да спать уложи, а потом и спрашивай...» Нет, не вежливо прозвучит, ладно, рискнем иначе.

– Понимаете, я из другого мира. Совсем другого. Мне бы вернуться в Россию, в двадцать первый век. Знаете, как это сделать? Попасть туда, где я родилась.

Уже начиная разговор, Леда вдруг осознала тщетность своих надежд. Ничего у нее не выйдет, откуда лесной старушенции знать о незримом проходе между мирами, если и самой объяснить толком не получается. Однако и унывать заранее нельзя.

– Вы женщина пожилая и мудрая, не случайно дядя Наум меня сюда отправил, – вас все, наверно, уважают в этих краях. К кому же мне еще обратиться? Получается, что я – гостья из другого мира. У нас леших нет и русалок нет, и домовых, кажется, не осталось. Хотя мы некоторые загадки природы научно обосновать не умеем. Теперь понимаю, что миры наши так близки, стоит лишь руку протянуть и в сказке окажешься, только вот как потом вернуться обратно?

Леда набрала в грудь больше воздуха и продолжила рассказ о ночных приключениях.

– Понимаете, я упала в яму. На высокой горе, – ну, не так, чтобы очень высокой, там был курган над могилой древнего народа. Как это случилось, сама не знаю. Луна светила.

– Луна, говоришь? – недобро прищурилась бабка. – Подумать надо. Чудны твои речи, девка, ой чудны! А я-то решила, ты ребеночка ко мне вытравить пришла аль соперницу наказать, уже хотела тебя саму в печку кинуть. А ты с Луной небо не поделила, эвоно как...

Леда чуть себе язык прикусила после таких жутких слов.

– Да вы что, бабушка? Я ни сном не духом, никакого ребенка у меня нет, ни с кем я не ругалась. Просто родилась в понедельник, в день Луны, так уж считается по народным древнегреческим поверьям. И больше ничего общего. Один разочек только с Луной и заговорила в лесу, матушкой назвала в шутку. Просто, как в заговоре одном.

– Заговоры зря не сказывают, еще при луне да с горячей крови! – хлестнула старуха отповедью.

– К-а-акой крови?

– Да той самой, что второпях по жилкам бежит, на волю просится. Все невтерпеж вам, молодайкам, знаю вас!

Тут Леда совсем растерялась и расстроилась. Стояла перед избой, опустив голову, изо всех сил сдерживая слезы.

– Бабушка, помогите, очень прошу, мне надо домой. Мама будет волноваться, подумает, что злые люди меня в лесу погубили и спрятали. И папа будет себя винить, что устроил на такую вредную работу. Начальника еще по судам затаскают, а он хоть и скользкий тип, ничего плохого мне не сделал.

Леда упала на колени и склонилась чуть не до самой земли. Старуха же, напротив, с кряхтением поднялась, ковыляя обратно в избу.

– За мной ступай! Думку гадать буду, спрошу еще кой-кого, как с тобой поступить. Пока у меня поживешь, а там я решу. Голодна, небось, долго по лесу шаталась?

– Нет-нет, спасибо, я есть не хочу. Только устала очень, – быстро сказала Леда.

– Ну, коли так, спать ложись. Утро вечера мудренее.

Вслед за хозяйкой, нехотя забралась она по чахлой лесенке в темное нутро избы. Пахло грибами и сухой травой, огня никто не зажигал. Старуха молча указала на широкую лавку в углу, и незваная гостя смиренно прилегла на старенький овечий тулуп. Назревала ночь.

Прикрывшись краешком мягкой овчины, Леда тщетно силилась разглядеть в полумраке убранство избы. Чистенько вроде, паутины не видно, от лавки деревом тянет. Сама же бабка копошилась у печки, стучала ухватами, что-то бурча под нос. Какой тут сон!

Но глаза закрывались, тело просило отдыха, а ум желал отвлечься от суматохи странного дня. Вскоре Леда задремала, но вдруг проснулась от монотонного пения за окном, голову от лежанки приподняла и прислушалась.

Мужской грубый голос уныло тянул простую мелодию:

– Скрипи нога, скрипи липовая, все люди спят, все звери спят, один я не сплю, по ночам брожу...

Затрещали половицы у порога, кто-то тяжелый грузно ввалился в избу.

– Здорово, мать! Кто у тебя есть? Кажись, девкой пахнет!

Леда сонно моргала, пытаясь полностью закутаться в свой тулупчик, отползти подальше к стене. Вошедший человек был велик ростом и широк в плечах, настоящий великанище, как только в низкой избенке и помещался.

Но вместо ноги у него была деревяшка, это Леда почти сразу сообразила, когда чужак приблизился к ее лавке, неловко заваливаясь на целую конечность. Опирался мужик на здоровенную палку, что сама прежде жила стволом молодой березки.

– И, правда, девка! Молодая, красивая...

Здоровяк шумно потянул воздух носом, громко фыркнул и усмехнулся, зависая над скорчившейся под овчиной Ледой.

– Себе возьму. Женой сделаю.

И тут старуха неожиданно громко и властно подала голос из своего угла:

– Остынь, Михей, может, не про тебя товарец! Не решила я еще с ней. Иди лучше варева похлебай да ложись-ка спать. Утро вечера мудренее.

Чувствуя, как сильные ручищи сдергивают с ее головы подобие одеяла, Леда поднялась обреченно и вскинула голову, стараясь взглянуть в мрачное лицо чужака.

– Что вы пристали ко мне? Вы здесь кто? Хозяин? Ну, так я в гостях у вас, имейте совесть и проявите уважение. Я из другого мира, совсем не сказочного, а тут у вас заблудилась немножко и скоро меня бабушка отправит домой. Так ведь?

Леда с отчаянной мольбой в голосе глянула на старуху, которая до полуночи вертела колесо деревянной прялки, наматывая на веретенце тонкую шерстяную нитку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.